марс был пуст,
пока на нем
не появились мы

18+

U+2642

ПРЕМИЯ НЕБЬЮЛА

КИМ СТЭНЛИ РОБИНСОН

КРАСНЫЙ МАРС

FANZON

Марс

Ким Робинсон

Красный Марс

«Эксмо»
1993

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Робинсон К. С.

Красный Марс / К. С. Робинсон — «Эксмо», 1993 — (Марс)

ISBN 978-5-04-255937-2

В 2026 году первые колонисты с Земли отправляются на Красную планету. Их миссия – создание на Марсе благоприятных условий для жизни. Будущие марсиане планируют растопить полярные шапки, поднять температуру атмосферы и заселить поверхность планеты бактериями… Но среди колонистов есть те, кто не согласен изменять первозданный облик красной планеты, те, кто желает объявить Марс независимым от Земли государством, и они готовы сражаться за свои убеждения до последнего!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-255937-2

© Робинсон К. С., 1993
© Эксмо, 1993

Содержание

Благодарности 6
Часть первая 7
Часть вторая 22
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Ким Стэнли Робинсон
Красный Марс

Kim Stanley Robinson
RED MARS
Copyright © 1993 by Kim Stanley Robinson
© Агеев А.И., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Благодарности

Выражаю благодарность Лу Аронике, Грегори Бенфорду, Адаму Бриджу, Майклу Карру, Роберту Крэддоку, Брюсу Фаусту, Биллу Фишеру, Гэлу Хэндли, Дженнифер Херши, Сесилии Холланд, Фредрику Джеймисону, Джейн Джонсон, Дэймону Найту, Стиву Макдоу, Бет Мичем, Тому Мейеру, Лизе Ноуэлл, Джеймсу Эдварду Обергу, Донне Ширли, Ральфу Вицинанце и Джону Б. Уэсту.

Особая благодарность Чарлзу Шеффилду.

Часть первая
Праздничная ночь

Марс был пуст, пока на нем не появились мы. Но не то чтобы там никогда ничего не происходило. Планета нарастала, плавилась, бурлила и остывала, отчего ее поверхность испещрили огромные геологические образования – кратеры, каньоны, вулканы. Только все это происходило в ископаемой бессознательности и никем не наблюдалось. Тому не было свидетелей – не считая нас, наблюдающих с соседней планеты, и то лишь в последнее мгновение ее долгой истории. Мы – это единственный сознательный взгляд, который когда-либо обращался к Марсу.

Теперь история Марса в человеческом понимании известна каждому: как во все доисторические поколения он был одним из главенствующих светил благодаря своей красноте и переменчивой яркости, как он иногда останавливался в своем странствии среди звезд и менял направление движения на противоположное. Казалось, он пытался что-то этим сказать. Вероятно, поэтому все древнейшие названия Марса звучат так причудливо – Ниргал, Мангала, Окакух, Хармахис, – будто они еще старше тех архаичных языков, в которых мы их находим, будто это ископаемые слова из ледникового периода или предыдущих эпох. Да, Марс тысячи лет был священной силой для деяний людских, его цвет сделал эту силу опасной, олицетворяющей кровь, ярость, войну и мужественность.

Затем первые телескопы позволили нам взглянуть поближе, и мы увидели маленький оранжевый диск с белыми полюсами и темными пятнами, которые расширялись и уменьшались с течением долгих периодов. Ни одно из последующих усовершенствований этих телескопов не дало нам большего, но на лучших изображениях, сделанных с Земли, оказалось достаточно клякс, чтобы вдохновить Лоуэлла на известную всем нам историю об увядающем мире и героическом народе, в отчаянии сооружающем каналы, пытаясь сдержать последнее наступление пустыни.

Это была замечательная история. Но затем «Маринер» и «Викинг» прислали свои фотографии, и все изменилось. Наши знания о Марсе на порядок возросли, мы узнали об этой планете буквально в миллионы раз больше, чем знали до этого. И тогда перед нами развернулся новый мир – мир, о котором мы не подозревали.

И все же этот мир был безжизненным. Люди искали признаки того, что на Марсе была или есть жизнь – хоть что-то от микробов до обреченных каналостроителей и даже инопланетных пришельцев. Как вы знаете, таких свидетельств до сих пор не обнаружено. Тогда, чтобы заполнить пробел, стали прямо-таки расцветать истории – равно как во времена Лоуэлла или Гомера, как в пещерах или в саваннах – истории о микроокаменелостях, разрушенных нашими биоорганизмами, или о руинах, найденных в пыльных бурях и затем безвозвратно потерянных, о Большом человеке и его приключениях, об ускользающих красных человечках, которых можно уловить лишь краем глаза. Все это было придумано в попытках наделить Марс жизнью или же оживить его. Ведь мы – все те же животные, которые пережили ледниковый период и, зачарованно глядя на ночное небо, рассказывали свои истории. И Марс никогда не переставал быть для нас тем, чем был с самого начала, – великим знаком, великим символом, великой силой.

И вот мы здесь. Он был силой, но теперь стал местом.

– И вот мы здесь. Только они себе не представляли, что к тому времени, как мы окажемся на Марсе, путешествие изменит нас и ничего из того, что они нам рассказывали, не будет иметь никакого значения. Это не было похоже ни на погружение на подводной лодке, ни на освоение Дикого Запада – это был *совершенно новый опыт*, и когда «Арес» стартовал, Земля наконец

стала такой далекой, что превратилась в обыкновенную голубую звезду, одну из многих, а ее голоса доходили с таким опозданием, что казалось, будто они доносятся из прошлого века. Теперь мы были сами по себе, а значит, мы стали *принципиально иными существами*.

«Вранье», – с раздражением подумал Фрэнк Чалмерс. Он сидел среди высокопоставленных лиц и смотрел, как его старый друг Джон Бун произносит свою привычную Вдохновляющую Речь. Она наводила на Чалмерса скуку. На самом деле полет на Марс по ощущениям был равносилен длительному путешествию на поезде. И они не только не стали принципиально иными существами, а наоборот, стали собой еще больше, чем когда-либо, освободившись от прежних порядков и оставшись лишь с исходным материалом самих себя. Но Джон стоял, размахивая указательным пальцем перед толпой, и изрекал:

– Мы прибыли сюда, чтобы сотворить нечто новое, и теперь все наши земные разногласия отпали как неприменимые к новому миру!

Да, все это он имел в виду буквально. Марс для него был линзой, искажавшей все, что он видел, – чем-то вроде религии. Этот же вздор он изливал и в частных разговорах – как бы выразительно его собеседник ни закатывал глаза.

Фрэнк перестал его слушать и перевел взгляд на новый город. Его собирались назвать Никосией. Это первый город, построенный на марсианской поверхности; все его строения находились под тем, что было, по сути, громадным прозрачным шатром, который держался на почти невидимом каркасе. Он располагался на куполе Фарсида, к западу от Лабиринта Ночи, и благодаря этому отсюда открывался потрясающий вид: далекий горизонт на западе прерывался плоской вершиной горы Павлина. Ветеранам Марса в этой толпе такое зрелище кружило головы: они наконец оказались на поверхности, выбравшись из впадин и кратеров, и теперь могли бесконечно смотреть вперед! Ура!

Смех публики вернул внимание Фрэнка к давнему другу. Джон Бун говорил хрипловатым голосом с приятным среднезападным акцентом и поочередно (а иногда и одновременно) становился расслабленным, напряженным, искренним, самоироничным, скромным, уверенным, серьезным и смешным. Короче говоря, он был идеальным оратором. Публика внимала с восхищением: для них он был Первым Человеком на Марсе, и они смотрели на него, будто на Иисуса, готовящего им ужин из хлеба и рыбы. На самом деле Джон почти заслуживал их обожание за то, что сотворил схожее чудо в несколько другой области, превратив их дни, проводимые в консервной банке, в удивительное духовное странствие.

– Марс – величественное, экзотическое и опасное место, – возвестил Джон, говоря о замороженном шаре из окисленного камня, который подвергался излучению примерно пятнадцать бэр в год. – И мы приложим усилия и построим новый общественный строй, совершив следующий шаг в истории человека! – То есть последнего вида доминирующих приматов.

Этой напыщенной фразой Джон завершил свою речь, и, разумеется, за ней последовал гром аплодисментов. Затем на подиум поднялась Майя Тойтовна, чтобы объявить Фрэнка Чалмерса. Он посмотрел на нее, давая понять, что не хотел бы выслушивать ее шутки. Она это заметила и все же произнесла:

– Следующий выступающий был топливом в нашем ракетном корабле. – Кто-то издал смешок. – Именно его замыслу и энергии мы в первую очередь благодарны за то, что оказались на Марсе, так что забудьте о всяких претензиях, которые имеете к нашему следующему выступающему, моему давнему другу Фрэнку Чалмерсу.

Поднявшись на подиум, он поразился тому, насколько крупным оказался город, протянувшийся вдаль вытянутым треугольником. Первые марсиане собрались в наивысшей его точке – в парке на западной вершине. Семь дорожек расходились, чтобы превратиться в широкие травянистые бульвары, обсаженные деревьями. Между ними стояли невысокие трапецеидальные строения – фасад каждого отделан полированным камнем определенного цвета. Размерами зданий и архитектурой это место слегка напоминало Париж, каким его видели пьяные

фовисты по весне, с тротуарными кафе и всем остальным. Через четыре или пять километров вниз по склону граница города была отмечена тремя стройными небоскребами, за которыми простиралась низкорослая зелень фермы. Небоскребы служили частью каркаса шатра, представлявшего собой куполовидную сеть из небесного цвета линий. Сама его ткань была почти незаметной – она, казалось, *висела в воздухе*. Это настоящее чудо! Никосии предстояло стать популярным городом.

Так Чалмерс и заявил толпе, и люди с воодушевлением согласились. Публика, при всей своей переменчивости, слушала его с той же чуткостью, что и Джона. Тучный и темноволосый Чалмерс понимал: у него мало общего с Джоном, миловидным блондином. Но он понимал и то, что имеет свою грубоватую харизму, и, разогреваясь, извлекал ее наружу и начинал метать в слушателей отборные фразы собственного сочинения.

Меж облаков прорвался луч солнечного света, попал на лица в толпе, и Чалмерс ощутил, что у него странно сжался живот. Столько *незнакомцев*! Скопление людей пугало его, пугали и незнакомые лица – все эти влажные неживые чужие глаза, окруженные розовыми пятнами, обращенные к нему… Обычно, выступая перед публикой, он выбирал несколько лиц, и остальные становились видимым фоном, но сейчас свет, падавший из-за его спины, озарил толпу – все разом попали в его поле зрения, и их оказалось слишком много. Пять тысяч человек в одном-единственном марсианском городке! После пяти лет в Андерхилле это было тяжело осознать.

Он попытался сказать публике что-то в этом роде:

– Оглядываясь… – произнес он, – оглядываясь вокруг… замечаешь необычность нашего присутствия здесь… эта необычность становится акцентированной, вызывающей.

Он терял их внимание. Как это сказать? Как сказать, что они со своими горящими, словно небесные фонарики, лицами одни в этом скалистом мире? Как сказать, что даже если бы живые существа были лишь носителями генов беспощадности, это все равно было бы лучше пустого неорганического небытия?

Конечно, он никогда не смог бы этого сказать. Ни сейчас, ни когда-либо еще и уж точно не перед публикой. Он взял себя в руки.

– В этом марсианском запустении, – продолжил он, – присутствие человека является воистину значительным. – «Они будут относиться друг к другу заботливее, чем когда-либо», – язвительно повторял голос у него в голове. – Эта планета сама по себе – лишь мертвый холодный кошмар… – «И потому экзотична и величественна». – А поскольку она предоставлена нам, мы должны провести процесс… некоторого ее преобразования… – «Или создания нового общественного строя».

И тут – да, да, да! – он понял, что произносит ту же ложь, которую только что слышал от Джона!

То есть нес тот же вздор. Но люди хотели именно этого, такова уж была политика. В конце речи его так же наградили громом аплодисментов. Раздраженный, он объявил, что пора приступать к еде, лишив Майю возможности произнести заключительное слово. Хотя она наверняка знала, что он это сделает, и не готовилась говорить что-либо еще. Фрэнк Чамберс любил, когда последнее слово оставалось за ним.

Люди сгрудились на временной платформе, смешавшись с важными особами. Стольких человек из первой сотни редко удавалось собрать вместе, и теперь Джон с Майей, Саманта Хойл, Сакс Расселл и Чамберс оказались окружены толпой.

Фрэнк посмотрел поверх голов на Джона и Майю; он не узнавал никого из обступивших его землян, что удивило его. Он пошел по платформе и заметил, как Майя и Джон переглянулись.

– Нет причин, по которым обычные законы нельзя было бы применять здесь, – говорил им один из землян.

– Разве гора Олимп, по-вашему, похожа на Мауна-Лоа?[1] – возразила ему Майя.

– Конечно, – сказал мужчина. – Все щитовые вулканы похожи друг на друга.

Фрэнк пристально смотрел на Майю поверх головы этого болвана. Она не подавала виду, что замечает его взгляд. Джон притворялся, что не видит Фрэнка. Саманта Хойл вполголоса объясняла что-то другому мужчине, тот кивнул и случайно взглянул на Фрэнка. Саманта продолжала стоять к нему спиной. Но для него был важен только Джон. Важны Джон и Майя. И они оба притворялись, будто все хорошо; но тема беседы с подошедшими людьми уже была ими забыта.

Чалмерс сошел с платформы. Толпа все еще спускалась по парку, к столам, расставленным в верхних оконечностях семи бульваров. Чалмерс следовал за ними под сенью пересаженных молодых платанов, чьи листья цвета хаки окрашивали послеполуденный свет, делая парк похожим на дно аквариума.

Строители пили водку за банкетными столами, голося все громче и смутно осознавая, что строительство закончилось, а с ним и героическая эпоха Никосии. Как, пожалуй, и всего Марса в целом.

Звучащие повсюду разговоры перекрывали друг друга. Фрэнк утонул в турбулентности, пока пробирался к северной границе города. Он остановился перед бетонным парапетом по пояс высотой – здесь была городская стена. Из металла, выступавшего в верхней ее части, возвышалась прозрачная пластмасса в четыре слоя. Швейцарец, указывая на нее с довольным видом, объяснял группе посетителей:

– Внешняя мембрана из пьезоэлектрического пластика генерирует электроэнергию из энергии ветра. Следующие два листа содержат изоляционный слой из аэрогеля. А внутренний слой – это поглощающая радиацию мембрана, и, когда он становится фиолетовым, это означает, что он подлежит замене. И все это прозрачнее обычного окна, да?

Посетители согласились. Фрэнк протянул руку и надавил на внутреннюю мембрану. Та натянулась до такой степени, что пальцы вошли в нее до костяшек. Внутри оказалось слегка прохладно. На пластике еле заметен мелкий печатный текст: «Полимеры равнины Исиды». Оглянувшись через плечо, он все еще мог разглядеть сквозь платаны платформу на вершине. Джон и Майя вместе с группой своих земных почитателей по-прежнему находились там и оживленно разговаривали. Дирижировали делами планет. Решали судьбу Марса.

Он перестал дышать. Почувствовал, как у него стиснулись зубы. Ткнул пальцем в стену шатра так сильно, что выдавил наружную мембрану, – теперь часть его гнева сохранилась, превратившись в электричество в городской сети. Поливинилидендифторид в этом отношении был особым полимером: атомы углерода соединялись с водородом и фтором, создавая вещество даже более пьезоэлектрическое, чем кварц. Но стоило изменить хоть один элемент из трех, и все становилось по-другому – если, например, заменить фтор на хлор, получалась пищевая пленка.

Фрэнк посмотрел на свою скрытую в мембране руку, затем вновь на два остальные элемента, все еще соединенные друг с другом.

Ведь без него они были никем!

Чувствуя гнев, он двинулся по узким улочкам города.

Люди, столпившиеся на площади, будто мидии на скале, оказались группой арабов, которые пили кофе. Арабы прибыли на Марс всего десять лет назад, но уже стали силой, с которой приходилось считаться. У них было много денег, и они начали сотрудничать со швейцарцами, чтобы построить несколько городов, включая этот. На Марсе им нравилось. Саудовцы говорили, что он напоминает прохладные дни в Пустой четверти[2]. Сходство было таким, что

---

[1] Вулкан на острове Гавайи. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

[2] Прозвище пустыни Руб-эль-Хали в южной части Аравийского полуострова. Одна из самых крупных, жарких и сухих

арабские слова быстро приживались в английском, поскольку в арабском было больше слов для такой местности: «акаба» – крутые склоны вокруг вулканов, «бадя» – огромные песчаные холмы, «нефудс» – глубокозалегающие пески, «сейл» – русла рек, высохшие миллиарды лет назад… Некоторые говорили, что было бы проще полностью перейти на арабский, и дело с концом.

Фрэнк не так давно провел немало приятного времени с арабами, и люди на площади ему обрадовались.

– Салам алейкум! – поздоровались они.

– Мархабба! – ответил он.

Из-под черных усов сверкнули белые зубы. Как обычно, присутствовали только мужчины. Несколько молодых арабов провели его к центральному столу, где сидели старики, среди которых был его друг Зейк.

– Мы хотим назвать эту площадь Хаджр-аль-кра-Мешаб, – сообщил Зейк. – «Открытое место из красного гранита».

Он указал на плиты ржавого цвета.

Фрэнк кивнул и спросил, что это за камень. Он выговорил это по-арабски, но, несмотря на свое старание, получил в ответ лишь дружественные усмешки. Затем сел за центральный стол и расслабился, и ощутил, будто сидит на улице в Дамаске или Каире, мирно обвеваемый запахами дорогих арабских одеколонов.

Он изучал лица говорящих. Несомненно, это была чужая культура. Они не могли измениться лишь потому, что оказались на Марсе, опровергая замысел Джона. Их мышление в корне расходилось с западным. Например, считая разделение церкви и государства неверным, они не могли согласиться с западным пониманием самой сути государства. Их уклад настолько патриархален, что некоторые их женщины были неграмотными – на Марсе! А это знак. И в самом деле, у этих мужчин был тот опасный взгляд, который Фрэнк связывал с мужским шовинизмом, – взгляд мужчин, угнетающих своих женщин настолько безжалостно, что те, естественно, отыгрываются где только могут – терроризируют своих сыновей, которые затем терроризируют жен, те – опять сыновей и так далее, в бесконечной смертельной спирали извращенной любви и половой вражды. В этом смысле они все были безумцами.

Что было одной из причин, по которой они ему нравились. И они определенно могли быть ему полезны как новое средоточие силы. Защити слабого нового соседа и ослабь сильных старых, как сказал Макиавелли. И он пил кофе, а они постепенно вежливо перешли на английский, и, перейдя вместе с ними, Фрэнк признал их языковое преимущество, но зато теперь ему стало легче управлять беседой.

– Как вам выступление? – спросил он, глядя в черное дно своей чашки.

– Джон Бун такой же, как всегда, – ответил старик Зейк. Другие зло рассмеялись. – Когда он говорит, что мы создадим самобытную марсианскую культуру, он имеет в виду лишь то, что одни земные культуры будут развивать, а другие изживут. Те, которые сочтут регрессивными, уничтожат. Это же форма ататюркизма.

– Он думает, что все на Марсе должны *стать* американцами, – заметил мужчина по имени Неджм.

– А почему бы и нет? – с улыбкой сказал Зейк. – На Земле это уже случилось.

– Нет, – возразил Фрэнк. – Вы неправильно понимаете Буна. Говорят, он сосредоточен на себе, но…

– Он и в самом деле сосредоточен на себе! – воскликнул Неджм. – Он живет в зеркальной галерее! Думает, мы прибыли на Марс, чтобы создать старую добрую американскую суперкультуру и что все согласятся с этим только потому, что таков План Джона Буна.

пустынь на Земле.

– Он не понимает, что у других людей тоже есть мнения, – добавил Зейк.

– Это не так, – сказал Фрэнк. – Просто он считает, что их мнения менее важны, чем его собственное.

В ответ они рассмеялись, но в улюлюканьях молодых людей чувствовалась горечь. Все они полагали, что перед их прибытием Бун втайне препятствовал тому, чтобы ООН одобрила создание арабских колоний. Фрэнк подкреплял их веру, и это было почти правдой – Джон не выносил любые идеологии, что могли встать у него на пути. Он хотел, чтобы каждый новоприбывший был чист, насколько это возможно.

Арабы, однако, считали, что Джон не выносил именно их. Молодой Селим аль-Хаиль раскрыл было рот, готовясь заговорить, но Фрэнк метнул в него быстрый предупреждающий взгляд. Селим замер, а затем сердито сомкнул губы.

– Ладно, он не настолько плох, – сказал Фрэнк. – Хотя, сказать по правде, мне доводилось слышать его слова о том, что было бы лучше, если бы американцы и русские могли заявить свои права на планету, когда только прибыли сюда, как исследователи в старые времена.

Они коротко и мрачно усмехнулись. Селим недовольно сгорбился. Фрэнк пожал плечами и, улыбнувшись, развел руками.

– Но в этом нет смысла! Ну что он сможет сделать?

Старик Зейк поднял брови:

– На этот счет мнения расходятся.

Чалмерс поднялся, чтобы двинуться дальше, на мгновение встретившись с настойчивым взглядом Селима. Затем вышел на поперечную улицу, одну из узких дорожек, соединявших семь главных бульваров города. Большинство из них вымощены булыжником или поросли травой, но эта была залита неровным светлым бетоном. Фрэнк замедлил шаг перед расположенной в глубине улицы дверью, заглянул в окно закрытой обувной фабрики. В паре больших прогулочных ботинок возникло его слабое отражение.

На этот счет мнения расходятся. Да, многие недооценивали Джона Буна – Чалмерс сам так ошибался множество раз. Ему в голову пришел образ: Джон в Белом доме, порозовевший от увещеваний, с непослушными, отчаянно колышущимися светлыми волосами, солнечный свет струится в окна Овального кабинета и освещает Джона, машущего руками, расхаживающего по комнате и безудержно тараторящего, тогда как президент кивает, а советники внимательно наблюдают за Буном, думая, как бы выгоднее использовать эту искрящуюся харизму. О, они были так пылки в те дни, Чалмерс и Бун: Фрэнк полон идей, а Джон солировал, и их было не остановить. Для этого пришлось бы сбросить их мчащийся экспресс задора и напора с уже накатанных рельсов, не меньше.

Между ботинками возникло отражение Селима аль-Хаиля.

– Это правда? – требовательно спросил он.

– Что правда? – раздраженно произнес Фрэнк.

– Что Бун против арабов.

– А ты как думаешь?

– Это он приложил руку к тому, чтобы на Фобосе запретили строить мечеть?

– Он влиятельный человек.

Молодой саудовец скривился.

– Самый влиятельный человек на Марсе – и ему все мало! Он хочет быть королем!

Селим сжал кулак и ударил им о вторую руку. Он был стройнее других арабов. С маленьким подбородком, усы скрывали небольшой рот, он немного походил на кролика с заметно острыми зубами.

– Договор скоро продлят, – сказал Фрэнк. – И коалиция Буна меня в упор не видит, – он заскрежетал зубами. – Не знаю, что они собираются делать, но сегодня я это выясню. Хотя ты и так можешь себе представить, что у них на уме. Конечно, это все западные предрассудки. Он

может препятствовать продлению договора, если в нем не окажется гарантии, что все поселения будут основывать только те, кто подписал его изначально. – Селим содрогнулся, а Фрэнк продолжил давить: – Именно этого он хочет, и, вероятно, ему по силам этого добиться, потому что благодаря своей новой коалиции он стал влиятельнее, чем когда-либо. Это может означать, что поселениям неподписантов будет положен конец. Вы станете приглашенными учеными. Или же вас отправят обратно.

Лицо Селима, отраженное в окне, походило на маску, изображающую ярость.

– Баттал, баттал, – бормотал он.

Его руки извивались, будто вышли из-под контроля, и он бубнил то о Коране или Камю, то о Персеполисе или Павлиньем троне – знакомые слова были лихорадочно разбросаны среди бессмыслицы. Пустой лепет.

– Разговоры ничего не значат, – строго сказал Чалмерс. – Когда доходит до дела, играют роль только сами действия.

В ответ на это молодой араб умолк.

– Я не могу быть уверен, – наконец произнес он.

Фрэнк ткнул его в предплечье, заметив, что Селима охватила нервная дрожь.

– Мы говорим о твоем народе. Мы говорим об этой планете.

Рот Селима исчез под усами. Чуть погодя он сказал:

– Действительно так.

Фрэнк ничего не ответил. Они вместе смотрели в окна, будто оценивая ботинки.

Наконец Фрэнк поднял руку.

– Я еще раз поговорю с Буном, – тихо сказал он. – Сегодня. Завтра он отбывает. Я постараюсь поговорить с ним, вразумить его. Хотя и сомневаюсь, что это поможет. Еще ни разу не помогало. Но я попробую. После этого… нам надо будет встретиться.

– Хорошо.

– Значит, в парке, на самой южной тропе. Около одиннадцати.

Селим кивнул.

Чалмерс пронзил его взглядом.

– Разговоры ничего не значат, – отрывисто бросил он и зашагал прочь.

На следующем бульваре Чалмерс набрел на людей, толпившихся снаружи баров и палаток, где продавались кускус [3]и братвурст[4]. Арабы и швейцарцы. Казалось, это было странное сочетание, но они хорошо ладили между собой.

Этим вечером некоторые швейцарцы раздавали маски у дверей своих заведений. Судя по всему, они отмечали *stadtfest*, что-то вроде Марди Гра[5], или, как они его называли, *Fassnacht*, с масками, музыкой и всевозможными перевоплощениями – прямо как в дикие февральские ночи в Базеле, Цюрихе или Люцерне… Фрэнк невольно присоединился к очереди.

– Всякий глубокий ум нуждается в маске[6], – заметил он двум девушкам, которые стояли перед ним.

Те вежливо кивнули и продолжили свою беседу на гортанном швейцарском диалекте, который никогда не был как следует описан, но играл роль шифра, непонятного даже для немцев. Швейцарцы представляли собой еще одну непостижимую культуру – которая кое в чем была даже похлеще арабской. «Так вот в чем дело, – подумал Фрэнк, – они так хорошо уживались, потому что и те и другие были настолько замкнуты, что никогда не имели настоящих

[3] Пшеничная каша, национальное блюдо в странах Северной Африки.

[4] Сосиски из свинины или телятины.

[5] Вторник перед началом католического Великого поста. Также последний день карнавала, отмечаемого в основном во франкоговорящих странах и регионах.

[6] Цитата из произведения «По ту сторону добра и зла» Фридриха Ницше. Перевод Николая Полилова.

контактов». Он рассмеялся в голос, когда ему выдали маску – черное лицо, усеянное красными самоцветами. Он надел ее.

Вниз по бульвару вилась цепочка ряженых гуляк – пьяных, развязных, едва владевших собой. На перекрестке располагалась небольшая площадь, где фонтан струился солнечного цвета водами. Рядом музыканты выстукивали на стальных барабанах мелодию в стиле калипсо[7]. Люди собирались вокруг, танцевали или прыгали в такт низкого бонга или бас-барабана. В ста метрах над ними сквозь отверстие в шатре на площадь вливался студеный воздух – в нем попадались даже мелкие снежные хлопья, сверкавшие на свету, будто стружка или слюда. Под самым шатром взрывались фейерверки, и хлопья перемешивались с яркими искрами.

Закат всегда казался ему тем временем дня, когда становится наиболее заметно, что они на чужой планете. Что-то в этом косом красном свете было решительно неверным, переворачивало ожидания, заложенные в разум миллионы лет назад. Сегодняшний вечер явил собой особенно броский и тревожный пример данного феномена. Фрэнк бродил в этом закатном свете, возвращаясь к городской стене. Ровный юг города загромождало истинно марсианское обилие камней, за каждым из которых тянулась длинная черная тень. Дойдя до бетонной арки южных ворот, он остановился. Никого. На время подобных праздников ворота запирали, чтобы пьяные не выходили и не калечились. Но Фрэнк получил утром в пожарной охране экстренный код и теперь, убедившись, что никто за ним не следит, набрал его и поспешил открыть замок. Надев прогулочный костюм, ботинки и скафандр, вышел через среднюю, а затем и внешнюю дверь.

Снаружи, как всегда, стоял жуткий холод, и ромбовидный узор подогревателя его костюма чуть ли не обжигал его сквозь одежду. Он с хрустом ступал сначала по бетону, потом по твердой корке. Рыхлый песок уносило ветром на восток.

Он хмуро огляделся вокруг. Повсюду одни скалы. Будто планете довелось вынести миллиарды ударов кувалдой. А метеориты все падали. Однажды какой-нибудь город примет удар на себя. Оглянувшись, он посмотрел назад. Казалось, там в сумерках сиял аквариум. Не будет никакого предупреждения, но все вдруг рассыплется на части – стены, машины, деревья, тела. Ацтеки верили, что конец света настанет по одной из четырех причин: землетрясение, пожар, наводнение или ягуары, падающие с неба. Пожара здесь не могло случиться. «Как и землетрясения или наводнения», – подумал он. Оставались только «ягуары».

Сумеречное небо над горой Павлина приняло темно-розовый цвет. К востоку простиралась никосийская ферма – протяженная невысокая теплица, тянувшаяся вниз по склону от города. Отсюда было видно, что ферма размерами превосходила сам город и вся была засажена кормовыми культурами. Фрэнк прошагал к одному из наружных замков и ступил вовнутрь.

Внутри фермы было жарко – на целых шестьдесят градусов теплее, чем снаружи, и на пятнадцать – по сравнению с городом. Снимать скафандр нельзя: здешний воздух, приспособленный для растений, содержал слишком много углекислого газа и мало кислорода. Он остановился у рабочей станции, заглянул в ящички, где хранились мелкие инструменты, образцы пестицидов, перчатки и сумки. Выбрал три крошечных образца, положил их в полиэтиленовый пакет и осторожно сунул в карман своего костюма. Это были образцы «умных» пестицидов – биодобавок, разработанных, чтобы обеспечивать растения систематической защитой; он читал о них и знал, в каком сочетании они становятся смертельными для организма.

В другой карман он положил пару ножниц. Меж длинных гряд ячменя и пшеницы назад в город поднималась узкая гравийная дорожка. Вернувшись к замку, он снял скафандр, затем ботинки и костюм, переложил содержимое карманов в пальто. Затем вновь пересек нижнюю границу города.

[7] Стиль народной карибской музыки.

Здесь находилась медина[8]. Ее построили арабы, настоявшие на том, что подобный район важен для благосостояния города. Бульвары сужались, а между ними сплетались тропы, взятые с карт Туниса или Алжира или проложенные как придется. Отсюда не было видно ни один из бульваров, а небо открывалось лишь в виде фиолетовых полос между склонившимися друг к другу зданиями.

Большинство троп сейчас пусты – гулянья проходили в верхней части города. Между строениями тайком пробирались две кошки, изучавшие свой новый дом. Фрэнк достал из кармана ножницы и нацарапал на паре пластиковых окон арабскими буквами: *Еврей, еврей, еврей, еврей, еврей*. И ушел, насвистывая сквозь зубы. Кафе на углу казались маленькими светящимися пещерками. Бутылки звенели, будто молотки старателей. На невысокой черной колонке сидел араб и играл на электрогитаре.

Он отыскал центральный бульвар и двинулся по нему вверх. Парни под ветвями лип и платанов голосили песни на швейцарском диалекте. Но одна была на английском:

Джон Бун
На Луну махнул.
И без быстрых машин
Он на Марс упорхнул!

Среди неуклонно растущей толпы бродили мелкие неслаженные музыкальные группы. Несколько усатых мужчин, одетых как американские заводилы из группы поддержки, со знающим видом выполняли сложные движения канкана. Ребятишки стучали в пластиковые барабанчики. Было очень шумно, даже несмотря на то, что шатер поглощал звук, не позволяя эху разноситься под куполом.

В том месте бульвара, где начинался платановый парк, стоял Джон собственной персоной. Его окружала небольшая толпа. Увидев, что Чалмерс подходит к нему, он помахал рукой. Он узнал его, несмотря на маску, – настолько в первой сотне все были близки друг другу.

– Эй, Фрэнк, – сказал он. – Похоже, ты неплохо проводишь время.

– Да уж, – ответил Фрэнк сквозь маску. – Люблю такие города, а ты? Смешанная паства. Здесь заметно, насколько разнообразные культуры собрались на Марсе.

На лице Джона сияла непринужденная улыбка. Он бегающим взглядом окидывал лежащий внизу бульвар.

– Такое разнообразие мешает твоему плану, да? – резко спросил Фрэнк.

Взгляд Буна вернулся к нему. Окружающие его люди быстро ушли, почувствовав враждебность их перепалки.

– У меня нет плана, – ответил ему Бун.

– Да брось! А как же твоя речь?

Бун пожал плечами.

– Ее Майя писала.

Двойная ложь: что ее написала Майя и что Джон в это не верил. Наверное, ложь. Даже спустя все эти годы он будто разговаривал с незнакомцем. С действующим политиком.

– Ладно тебе, Джон, – выпалил Фрэнк, – ты во все это веришь и сам знаешь об этом. Но что ты собираешься делать со всеми этими народами? С их этнической враждой, с религиозными бзиками? Твоя коалиция не может подобрать их под ноготь. Ты не можешь оставить Марс себе, Джон, это больше не научная станция, и ты не получишь договор, который позволит тебе это сделать.

– Мы и не пытаемся.

[8] Старая часть города в арабских странах Северной Африки.

– Тогда почему ты хочешь вытеснить меня из сборищ, ведущих обсуждения?

– Да не хочу я! – Джон выглядел оскорбленным. – Успокойся, Фрэнк. Мы выкуем все вместе, как делали это всегда. Успокойся.

Фрэнк оторопело уставился на своего старого друга. Чему он должен верить? Он никогда не знал, что думать о Джоне, – вроде бы он использовал Фрэнка как трамплин, но каким дружелюбным он был раньше… Разве они не начинали союзниками, друзьями?

Он вдруг понял, что Джон искал Майю.

– Так где она?

– Где-то неподалеку, – коротко ответил Джон.

Они уже несколько лет не могли разговаривать о Майе. Сейчас Джон бросил на него колючий взгляд, будто говоря, что это не его дело. Как и все, что стало важным для Буна за эти годы, теперь не было делом Чалмерса.

Фрэнк ушел, не сказав ни слова.

Небо стало темно-фиолетовым, его испещрили перистые облака. Фрэнк прошел мимо двух фигур в белых керамических полумасках, воплощавших старинные образы Комедии и Трагедии и прикованных друг к другу наручниками. Городские улицы потемнели, и осветились окна, в которых виднелись празднующие силуэты. Большие глаза «нового лица» Фрэнка впивались в каждую расплывчатую маску, ища источник напряжения, висевшего в воздухе. От текущей рядом толпы исходил низкий тяжелый гул.

Не стоило ему удивляться, ох не стоило. Он знал Джона так хорошо, как только можно знать другого человека; но это было не его дело. Фрэнк пробрался к деревьям, росшим в парке, под сень платанов, чьи листья были размером с руку. Когда что-то было иначе? Все время, что они провели вместе, все годы их дружбы – и ничто теперь не имело значения. Дипломатия иными средствами[9].

Он взглянул на часы. Около одиннадцати. У него была назначена встреча с Селимом, потом еще одна встреча. Его дни делились на пятнадцатиминутки, когда он бежал от одной встречи к другой, менял маски, улаживал один кризис за другим, управлял, регулировал, решал задачи в нескончаемой лихорадочной спешке – а теперь шел праздник, Марди Гра, *Fassnacht*, и он по-прежнему этим занимался. Он не помнил, когда было иначе.

Он вышел на стройку, где стоял скелетообразный магниевый каркас, окруженный грудами кирпичей, песка и брусчатки, – рабочие оставили все это без присмотра, что непредусмотрительно. Он набил карманы пальто обломками кирпичей, достаточно крупными, чтобы их было удобно держать в руке. А выпрямившись, заметил, что кто-то следил за ним с другого края стройки, – невысокий человек с худым лицом и черными остроконечными дредами пристально на него смотрел. Что-то в этом взгляде будило тревогу, словно незнакомец видел сквозь все его маски и наблюдал так внимательно потому, что был осведомлен обо всех его мыслях и намерениях.

Испуганный Чалмерс поспешил отступить к нижней оконечности парка. Убедившись, что он оторвался и за ним больше никто не следит, он принялся бросать камни и кирпичи в нижнюю часть города, стараясь запускать их как можно дальше. А заодно и в того незнакомца, прямо в лицо! Каркас шатра казался снизу лишь тусклым узором скрытых звезд, как будто висевших в прохладном ночном воздухе. Циркуляция воздуха в этот вечер, несомненно, была высока. Разбитые стекла, возгласы. Крик. Поднялся настоящий шум, люди сходили с ума. Последний булыжник полетел в большое освещенное панорамное окно за лужайкой, но не попал в цель. Фрэнк проскользнул в гущу деревьев.

[9] Отсылка к известному выражению военного теоретика Карла фон Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами».

У южной стены он увидел, как кто-то перемещается под платаном – это был Селим, который беспокойно ходил взад-вперед.

– Селим, – тихо позвал Фрэнк, заливаясь потом.

Он осторожно нащупал в кармане куртки пакет и вытащил три образца. Эффект от их взаимодействия мог оказаться очень мощным – будь то к добру или к худу. Он прошел вперед и небрежно обнял молодого араба. Образцы достигли цели, пропитав легкую хлопчатобумажную рубашку Селима. Фрэнк отступил.

Теперь Селиму оставалось около шести часов.

– Вы поговорили с Буном? – спросил он.

– Пытался, – ответил Чалмерс. – Он не послушал. Он солгал мне, – притворяться страдающим было легко. – После двадцати пяти лет дружбы он мне солгал! – Он ударил ладонью по стволу дерева, и образцы выпали во тьму. Он держал себя в руках. – Его коалиция собирается рекомендовать, чтобы все марсианские поселения основывались странами, подписавшими первый договор. – Это было невозможно, но определенно походило на правду.

– Он нас ненавидит! – вскричал Селим.

– Он ненавидит все, что встает у него на пути. А еще понимает, что ислам по-прежнему представляет собой реальную силу. Он определяет мышление людей, а Бун не может этого допустить.

Селим содрогнулся. Белки его глаз сверкали в темноте.

– Его нужно остановить.

Фрэнк отвернулся и прислонился к дереву.

– Я… не знаю.

– Вы сами сказали. Разговоры ничего не значат.

Фрэнк обошел дерево кругом, у него плыло перед глазами. Дурак ты, думал он, разговоры значат все. Мы – ничто, кроме обмена информацией, разговоры – это все, что у нас есть!

Он снова подошел к Селиму и спросил:

– Как?

– На планете. Так и сделаем.

– Городские ворота сегодня заперты.

Это остановило его. Селим развел руками.

– Но ворота на ферму еще открыты, – добавил Фрэнк.

– Только наружные ворота будут заперты.

Фрэнк пожал плечами, позволяя ему додуматься самому.

И достаточно быстро Селим, сощурившись, воскликнул:

– Ах!

И ушел.

Фрэнк сидел на земле между деревьями. Эта песчаная сырая коричневая почва была крупным достижением инженеров. Ничто в городе не было натуральным – ничто.

Через некоторое время он поднялся на ноги. Прошел по парку, глядя на людей. «Если я найду один хороший город, то я пощажу человека»[10]. Но на открытом участке люди в масках собирались вступить в схватку и драться; их окружали наблюдатели, чуявшие кровь. Фрэнк вернулся на стройку, чтобы набрать еще кирпичей. Когда метнул их, несколько человек заметили его, и ему пришлось убежать. Снова скрыться в деревьях, в этих маленьких крытых дебрях, убежать от хищников, обезумевших от адреналина, величайшего наркотика из всех существующих. Он дико рассмеялся.

[10] Переиначена строка из Ветхого Завета: «Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие» (Бытие, 18:26).

Вдруг его взгляд уловил Майю, стоявшую у временной платформы на вершине. На ней была белая полумаска, но это определенно была она: в пропорциях фигуры, волосах, самой позе безошибочно угадывалась Майя Тойтовна. Первая сотня, небольшая группа – лишь они были для него по-настоящему живыми, остальные – призраки. Фрэнк поспешил в ее сторону, спотыкаясь на неровной земле. Он сжал камень, лежавший в глубине кармана его пальто, думая: «Давай, сука! Скажи что-нибудь, чтобы его спасти. Скажи что-нибудь, что заставит меня пробежать через весь город, чтобы спасти его!»

Она услышала, как он приближался, и повернулась. Ее прозрачную белую полумаску украшали голубые металлические блестки. Разглядеть за ней глаза невозможно.

– Привет, Фрэнк, – сказала она, будто никакой маски на нем не было. Ему захотелось развернуться и убежать. Она его узнала – этого достаточно для бегства.

Но он остался на месте.

– Привет, Майя, – сказал он. – Прекрасный сегодня был закат, да?

– Впечатляющий. У природы нет вкуса. Это всего-навсего открытие города, но походило оно, пожалуй, на Судный день.

– Да.

Они стояли в свете уличного фонаря, наступив на тени друг друга.

– Тебе понравился вечер? – спросила она.

– Очень. А тебе?

– Он становится немного бурным.

– Но на это есть причины, не находишь? Мы выбрались из нор, Майя, и наконец вышли на поверхность! И что это за поверхность! Чего стоят только эти виды на Фарсиду!

– Здесь хорошее месторасположение, – согласилась она.

– И будет отличный город, – предсказал Фрэнк. – Но где ты сейчас живешь, Майя?

– В Андерхилле, Фрэнк, как всегда. Ты и так это знаешь.

– Но тебя там никогда не бывает, разве нет? Я не видел тебя год, а то и больше.

– Неужели уже столько прошло? Ну, я была в Элладе. Ты же наверняка слышал?

– А кто бы мне сказал?

Она потрясла головой, сверкнув голубыми блестками.

– Фрэнк…

Она отвернулась, будто хотела уйти от расспросов.

Фрэнк сердито обошел ее и встал у нее на пути.

– Тогда, на «Аресе»… – сказал он. Его голос звучал сдавленно, и он подвигал шеей, чтобы освободить горло и стало легче говорить. – Что случилось, Майя? Что случилось?

Она пожала плечами и не ответила на его взгляд. Она долго молчала. А затем посмотрела на него.

– Спонтанность, – ответила она.

А затем пробило полночь, и они попали в марсианский временной сброс – промежуток в тридцать девять с половиной минут между 12:00:00 и 12:00:01, когда все часы отключались или останавливались. Так первая сотня решила сладить с тем, что сутки на Марсе длились чуть дольше двадцати четырех часов, и это решение, как ни странно, всех удовлетворило. Каждую ночь нужно было ненадолго забывать о сменяющихся цифрах, о беспрестанном движении секундной стрелки…

И в эту ночь с наступлением полуночи весь город сошел с ума. Почти сорок минут вне времени должны были стать пиком праздника – все подсознательно это понимали. Разрывались фейерверки, люди ликовали. А когда воздух пронзили сирены, ликование удвоилось. Фрэнк и Майя любовались салютом и прислушивались к шуму.

Затем этот шум изменился: теперь в криках появились страх и отчаяние.

– Что это? – спросила Майя.

– Драка, – ответил Фрэнк, вслушиваясь. – Кажется, что-то было сделано спонтанно. – Она пристально на него посмотрела, и он добавил: – Пожалуй, нам стоит сходить посмотреть.

Крики усилились. Где-то случилась беда. Они начали спускаться через парк, и шаги их удлинялись, пока они не перешли на марсианский бег вприпрыжку. Фрэнку стало казаться, будто парк вырос в размерах, и он на мгновение испугался.

Центральный бульвар был усыпан мусором. Люди, словно сбившись в хищные стаи, проносились сквозь тьму. Раздался режущий нервы вой сирен и сигнал тревоги, сообщавший о пробое в шатре. По всему бульвару разбивались окна. На траве навзничь лежал человек, на траве вокруг него виднелись черные полосы. Чалмерс схватил за руку женщину, склонившуюся над ним.

– Что случилось? – крикнул он.

Она рыдала.

– Они подрались! И до сих пор дерутся!

– Кто? Швейцарцы, арабы?

– Незнакомцы, – сказала она. – *Ausländer*[11], – она слепым взглядом смотрела на Фрэнка. – Приведите помощь!

Фрэнк вернулся к Майе, которая разговаривала с другими людьми, собравшимися вокруг еще одного павшего.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил он у нее, когда они двинулись к городской больнице.

– Это восстание, – сказала она. – Не понимаю, против чего.

Ее рот превратился в ровную черточку на коже, побелевшей настолько, что теперь ее лицо было не отличить от полумаски, все еще скрывавшей глаза.

Фрэнк снял свою маску и отбросил прочь. По всей улице валялись битые стекла. К ним подлетел мужчина:

– Фрэнк! Майя!

Это был Сакс Расселл – Фрэнк никогда не видел этого коротышку таким взволнованным.

– Джон… на него напали!

– Что?! – воскликнули оба.

– Он пытался разнять драку, но трое или четверо набросились на него. Они сбили его с ног и утащили с собой!

– И ты их не остановил? – вскричала Майя.

– Мы пытались… несколько наших погнались за ними. Но они оторвались в медине.

Майя взглянула на Фрэнка.

– Что же это происходит?! – воскликнул он. – Зачем вообще кому-то его куда-то уводить?

– Ворота, – сказала она.

– Но они же этой ночью закрыты?

– Может быть, не для всех.

Они проследовали за ней в медину. Уличные фонари были разбиты, под ногами хрустели стекла. Они отыскали начальника пожарной охраны и пошли к Турецким воротам. Он отпер их, и несколько человек поспешили пройти, с аварийной скоростью натягивая прогулочные костюмы. Затем вышли в ночь и начали поиски, освещенные огнями города. От ночного холода у Фрэнка болели лодыжки, и он буквально ощущал точные очертания своих легких, будто ему в грудь вставили два ледяных шара, чтобы остудить бешено бьющееся сердце.

Снаружи – ничего. Вернулись внутрь. Прошли к северной стене, до Сирийских ворот – и снова под свет звезд. Ничего.

---

[11] Иностранец (*нем.*).

Прежде чем вспомнили о ферме, прошло немало времени. К тому моменту в прогулочниках было уже около тридцати человек, и они ринулись вниз, открыли замок и заполнили весь проход, после чего рассредоточились и забегали между растениями.

Они нашли его в редьке. Его куртка с аварийным запасом воздуха была натянута на лицо; должно быть, он сделал это бессознательно, потому что, когда они осторожно перевернули его набок, то увидели, что у него за ухом выросла шишка.

– Занесите его внутрь, – сказала Майя голосом, больше походившим на резкий хрип. – Поскорее, возьмите его.

Четверо подняли Джона. Чалмерс поддерживал голову, и его пальцы переплелись с пальцами Майи. Они поспешили вверх по ступенькам. Немного задержавшись у ворот фермы, они вернулись в город. Один из швейцарцев показал им короткий путь к врачебному пункту. Тот и без того был переполнен несчастными людьми. Они положили Джона на свободную лавку. Он был без сознания, его лицо выглядело измученным, но хранило решительное выражение. Фрэнк сорвал с него скафандр и, воспользовавшись своим положением, прорвался в приемное отделение и накричал на врачей и медсестер. Те сначала не обращали на него внимания, но вскоре одна из докторов отозвалась:

– Замолчите. Я иду.

Она вышла в коридор и с помощью медсестры подключила Джона к монитору, после чего осмотрела его тем отвлеченным, отсутствующим взглядом, что присущ врачам за работой, – ощупала шею, лицо, голову, грудь, взяла стетоскоп…

Майя рассказала ей все, что им было известно. Врач сняла со стены кислородный прибор, посмотрела на монитор. Ее рот сжался в маленький недовольный узелок. Майя села на край скамьи, ее лицо внезапно приняло безутешное выражение. Полумаски на ней уже давно не было.

Фрэнк склонился над ней.

– Мы можем пытаться еще, – сказала врач, – но боюсь, его уже не вернуть. Он слишком долго пробыл без кислорода, сами понимаете.

– Пытайтесь еще, – ответила Майя.

Разумеется, они попытались. Позже прибыли другие медики и увезли его в реанимацию. Фрэнк, Майя, Сакс, Саманта и горстка местных сидели в коридоре снаружи. Врачи входили и выходили. Их лица были пусты, будто они ощущали присутствие смерти, – защитные маски. Один вышел и скорбно покачал головой:

– Он мертв. Слишком долго находился там.

Фрэнк прислонил голову к стене.

Когда Райнхольд Месснер вернулся после первого одиночного восхождения на Эверест, он был значительно обезвожен и предельно истощен. Он падал в конце спуска и, изнемогши на леднике Ронгбук, полз на четвереньках, когда женщина, составлявшая всю его группу поддержки, добралась до него. Тогда он посмотрел на нее в бреду и спросил: «Где все мои друзья?»

Стояла тишина. Не раздавалось ни звука – лишь низкое гудение и свист, которые никогда не стихали на Марсе.

Майя положила руку Фрэнку на плечо, и он едва не одернул ее; в горле у него встал ком, ему было по-настоящему больно.

– Мне жаль, – попытался вымолвить он.

Она отмахнулась от его слов и нахмурила брови. В ее облике было нечто общее с медиками.

– Ладно, – произнесла она, – тебе он все равно никогда особенно не нравился.

– Это правда, – ответил он, думая, что с его стороны было бы политически правильно быть честным с ней в эту минуту. Но затем содрогнулся и горько добавил: – Да что ты знаешь о том, что мне нравится, а что нет?

Он смахнул ее руку, с трудом поднялся на ноги. Она не знала, и никто не знал. Он двинулся было в реанимацию, но передумал. Для этого будет достаточно времени на похоронах. Он почувствовал себя опустошенным, и вдруг ему показалось, будто все хорошее теперь осталось в прошлом.

Он вышел из врачебного пункта. В такие минуты невозможно было не замечать нахлынувших чувств. Он прошелся по удивительно тихому темному городу, в Землю Нод. Улицы сверкали так, словно на брусчатку попадали звезды. Люди стояли горстками, безмолвные, пораженные новостью. Фрэнк Чалмерс прошел к ним, ощущая на себе их взгляды, и бездумно проследовал к платформе в высшей точке города, говоря себе: «А теперь посмотрим, что я смогу сделать с этой планетой».

Часть вторая
Путешествие

– Раз уж они все равно сойдут с ума, почему бы просто не отправить первыми сумасшедших, чтобы избавить их от мучений? – предложил Мишель Дюваль.

В этом была лишь доля шутки. Он всегда считал критерии отбора умопомрачительным скоплением противоречий.

Его коллеги-психиатры пристально на него посмотрели.

– Вы можете назвать какие-либо конкретные изменения? – спросил председатель, Чарльз Йорк.

– Пожалуй, нам всем стоит отправиться с ними в Антарктику и понаблюдать за ними первое время. Это многому нас научит.

– Но тогда наше присутствие будет их стеснять. Полагаю, там хватит и одного из нас.

И они отправили Мишеля Дюваля. Он присоединился к ста пятидесяти с лишним финалистам на станции Мак-Мердо. Первая их встреча походила на любую другую международную научную конференцию, которую каждому из них приходилось посещать по своим дисциплинам. Но имелось и отличие: встреча была продолжением процесса отбора, который уже длился годами и должен был длиться дальше. А потом избранным предстояло полететь на Марс.

И они жили в Антарктике больше года, познавая самих себя в таких жилищах, с таким оборудованием, какие уже переправлялись на Марс подвижными роботами; познавая себя на местности, которая была почти такой же холодной и суровой, как и сам Марс; познавая себя среди других. Они жили среди поселений в долине Райта, крупнейшей из сухих долин Антарктиды. Они запустили биосферную ферму, а затем заняли жилища темной южной зимой, стали обучаться вторым, третьим профессиям и прогоняли симуляции различных испытаний, которые им предстояло выполнять на корабле «Арес» и позднее уже на само`й красной планете; при этом они всегда, всегда осознавали, что за ними наблюдают, что их оценивают, судят.

Далеко не все они астронавты и космонавты, хотя среди них было по дюжине и тех и других – и еще много больше к северу оттуда, горланивших, требовавших, чтобы их тоже включили в экспедицию. Но основное для большинства колонистов – быть сведущими в сферах, которые имели важное значение после высадки на Марсе: в медицине, компьютерах, робототехнике, системном проектировании, архитектуре, геологии, создании биосферы, генной инженерии, биологии, а также во всех других инженерных областях, в частности в различных областях строительства. В Антарктику же отправилась внушительная группа специалистов в важных науках и профессиях, и они хорошо провели время за взаимным обучением, чтобы стать столь же внушительными специалистами в новых для себя областях.

И все их занятия проходили под постоянным давлением наблюдения, анализа, оценивания. Это неизбежная процедура, которая создавала напряжение, но и была частью теста. Мишель Дюваль чувствовал, что процедура ошибочна, поскольку может посеять в душах колонистов зерна недоверия и скрытности, воспрепятствовав их сплочению, которого предположительно желал добиться отборочный комитет. На самом деле это было одним из многочисленных противоречий. Сами кандидаты молчали насчет положения вещей, и он их не винил; лучшей стратегии попросту не существовало, и в этом тоже было противоречие, ведь она порождала молчание. Они не могли позволить себе кого-либо оскорблять или слишком много жаловаться; они не могли рисковать, уходя слишком далеко, не могли наживать врагов.

Поэтому они решили стать достаточно квалифицированными и великолепными, чтобы выдержать, но и достаточно нормальными, чтобы поладить друг с другом. Они были достаточно зрелыми, чтобы многому научиться, но и достаточно юными, чтобы выносить физи-

ческие нагрузки от работы. Достаточно целеустремленными, чтобы добиваться успехов, но достаточно уравновешенными, чтобы жить в обществе. Достаточно безумными, чтобы желать навсегда покинуть Землю, но и достаточно вменяемыми, чтобы скрыть это безумие, по сути, выдав его за чистый рационализм, научную любознательность или что-то в этом роде – что казалось единственной приемлемой причиной хотеть улететь. И естественно, они претендовали на право называться самыми любознательными людьми в истории! Но этого, конечно, было мало. Они должны стать достаточно отчужденными, одинокими, чтобы не беспокоиться из-за возможности навсегда бросить всех, кого они знали, но при этом остаться достаточно социальными и общительными, чтобы поладить с новыми знакомыми в долине Райта, с каждым жителем маленькой деревушки, в которую предстояло превратиться их колонии. О, этим противоречиям не было конца! Нужно было стать выдающимися и заурядными одновременно. Невыполнимая задача, но все же она лежала на пути к их величайшей мечте, делая ее делом тревоги, страха, неприязни, ярости. Преодоления всех этих стрессов…

Но и это было частью теста. Мишель наблюдал с величайшим интересом – иначе он не мог. Некоторые не выдерживали, так или иначе ломались. Американский инженер по теплотехнике стал все дальше отходить, уничтожил несколько их вездеходов и в итоге был насильно задержан и удален. Русская парочка поссорилась так сильно, что не могла выносить вида друг друга, и обоих пришлось убрать. Их мелодрама показала опасность ситуации, когда романтика терпит крах, и остальные стали вести себя осторожнее. Отношения продолжали развиваться, и ко времени, когда они покинули Антарктику, у них свершилось три брака, и эти шестеро счастливчиков в некотором смысле могли считать себя «в безопасности». Однако большая часть людей так сосредоточилась на том, чтобы попасть на Марс, что решила отложить эту сторону жизни, и если что-либо и предполагало ненавязчивую дружбу, в одних случаях это скрывалось почти от всех, а в других – только от отборочного комитета.

И Мишель понимал, что видел лишь верхушку айсберга. Понимал, что критические вещи, происходившие в Антарктике, оставались недоступны его взору. Отношения всегда с чего-то начинались, и иногда их начало определяло, какими они будут в дальнейшем. В короткие светлые часы один из них мог покинуть лагерь и уйти в пункт наблюдения, а другой последовать за ним, и то, что случалось там, могло оставить свой след навсегда. Но Мишель никогда бы об этом не узнал.

А затем они покинули Антарктику, и команда сформировалась. Их было пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин: тридцать пять американцев, тридцать пять русских, тридцать представителей других стран – по пятнадцать приглашенных каждым из двух основных партнеров. Соблюсти такую идеальную симметрию было непросто, но отборочный комитет ее добился.

Счастливчики отправились на мыс Канаверал или на Байконур, чтобы оттуда выйти на орбиту. На тот момент они знали друг друга очень хорошо и не знали совсем. Они были командой, считал Мишель, с устоявшимися дружескими отношениями и множеством коллективных церемоний, ритуалов, обычаев и склонностей – и среди этих склонностей был инстинкт скрываться, играть роли и не показывать свое истинное лицо. Может быть, этим определялась жизнь в деревне, в обществе. Но Мишелю казалось, такая жизнь была еще хуже. Никому прежде еще не доводилось так тяжело бороться за право оказаться в деревне, и получившееся в итоге резкое разделение между общественной и частной жизнью представлялось новым и странным. Теперь в них укоренилась четкая соревновательная тенденция, едва уловимое, но постоянное ощущение того, что они одни, что в случае беды они будут брошены и изгнаны из группы.

Тем самым отборочный комитет сам создал проблемы, которых надеялся избежать. Некоторые из членов комитета поняли это и, естественно, позаботились о том, чтобы включить в число колонистов наиболее квалифицированных психиатров, которых только смогли найти.

И отправили Мишеля Дюваля.

Сначала это походило на сильный толчок в грудь. Затем их отбросило на спинки кресел, и на протяжении секунды давление показалось очень знакомым – один «жэ», гравитация, при которой им уже не придется жить. «Арес» двигался по земной орбите со скоростью 28 000 километров в час. В следующие несколько минут они ускорились, тяга ракетных двигателей набрала такую силу, что у них помутилось в глазах, когда роговицы приняли плоскую форму и стало тяжело вдыхать воздух. При 40 000 километров в час горение закончилось, и они, освободившись от земного притяжения, вышли на орбиту Солнца.

Колонисты сидели в креслах «дельта-*v*» и щурились. Кровь приливала к их лицам, сердца стучали. Майя Катарина Тойтовна, руководитель российского контингента, смотрела по сторонам. Все выглядели ошеломленными. Когда одержимые получают свой объект желания, что они чувствуют? Выразить это в самом деле тяжело. В некотором смысле их жизни обрывались, и вместо них наконец начиналось нечто иное, некая другая жизнь… Переполненные эмоциями, они не могли не растеряться; это был интерференционный узор: одни чувства пропали, другие – укрепились. Отстегнувшись от своего сиденья, Майя почувствовала, как ее лицо скривилось в ухмылке, а затем увидела лица окружающих – на каждом из них сияла такая же беспомощная ухмылка. Один только Сакс Расселл, невозмутимый, как филин, щурился, просматривая данные на мониторах.

Они парили в невесомости. Было 21 декабря 2026 года, и они двигались так быстро, как никто прежде. Они шли к своей цели. Это было началом девятимесячного путешествия – или путешествия, которому было суждено продлиться весь остаток их жизни. Они были сами по себе.

Те, кто отвечали за управление «Аресом», подплыли к пультам и отдали команды запуска ракетных двигателей поперечного регулирования. «Арес» начал вращаться, пока не стабилизировался на скорости четырех оборотов в минуту. Колонисты припали к полу, и псевдогравитация опустилась до 0,38 *g*, очень близкой к той, что им предстояло ощутить на Марсе. Многие человекогоды испытаний показали, что такое *g* будет достаточно благоприятным для жизни – гораздо более благоприятным, чем невесомость, благодаря чему даже вращение корабля сочли оправданным. А еще, думала Майя, такая гравитация давала отличные ощущения. Притяжения хватало на то, чтобы относительно легко сохранять баланс, но при этом не создавалось ни ощущения давления, ни сопротивления. Оно полностью соответствовало их настроению, когда они неуверенным шагом, шатающиеся и оживленные, ликующие от счастья, одолевали коридоры в направлении большой столовой торуса D.

Там они отмечали свое отбытие чем-то вроде коктейльной вечеринки. Майя бродила по столовой, потихоньку потягивая из чашки шампанское, чувствуя легкую нереальность происходящего и безмерное счастье – сочетание, вызвавшее в памяти вечеринку по случаю ее свадьбы много лет назад. Теперь ей хотелось надеяться, что этот союз окажется лучше предыдущего, потому что ему предстояло длиться вечно. В зале было шумно от разговоров.

– Эта симметрия не столько социологическая, сколько математическая. Вроде эстетического баланса.

– Мы надеемся сохранить ее и при миллиардном масштабе, хоть это будет нелегко.

Майя отказалась, когда ей предложили снова наполнить чашку – у нее и так кружилась голова. К тому же ей надо было работать. Она была, если можно так выразиться, одним из мэров этой деревни и отвечала за динамику групп, которая, несомненно, должна быть сложной. Антарктические привычки проявлялись даже теперь, в минуту триумфа, и она слушала и смотрела, как антрополог – или как шпион.

– Мозгоправы дело говорят. Мы придем к тому, что превратимся в пятьдесят счастливых парочек.

– А они уже знают, кто кому достанется.

Она наблюдала, как они смеются. Умные, здоровые, исключительно образованные – неужели они наконец создали то самое рациональное общество, заточенную под науку общину, мечту Просвещения? Но среди них оказались Аркадий, Надя, Влад, Ивана. Она знала российскую группу слишком хорошо, чтобы давать волю иллюзиям на этот счет. Было больше похоже, что они попали в студенческое общежитие технического университета с его странными розыгрышами и страстными интрижками. Разве что они выглядели старовато для подобных занятий: некоторые мужчины начали лысеть, кое у кого в волосах уже показывалась седина. Им предстояло тяжелое испытание, а средний возраст экипажа составлял сорок шесть лет и варьировался от тридцати трех (Хироко Ай, японское чудо создания биосферы) до пятидесяти восьми (Влад Танеев, обладатель Нобелевской премии по медицине).

Сейчас, однако, на лицах каждого из них проступал юношеский румянец. Аркадий Богданов походил на портрет в красных тонах – волосы, борода, кожа. И среди этой красноты – его глаза, безумные, взволнованные, голубые, радостно вытаращенные, а сам он восклицал: «Наконец свободны! Наконец свободны! Все наши дети наконец свободны!» Видеокамеры были выключены – после того как Джанет Блайлевен записала серию интервью для телевизионных станций. У них не было связи с Землей, и они сидели в своей столовой – Аркадий пел, а окружающие пили под его песню. Майя остановилась, чтобы через пару минут присоединиться к ним. Наконец свободна! В это было трудно поверить, но они действительно летели на Марс! Люди, собравшись в кучки, болтали между собой. Многие из них имели мировые имена в своих областях: Ивана получила Нобелевскую премию по химии, Влад был одним из известнейших специалистов по биологической медицине, Сакс входил в пантеон величайших вкладчиков в субатомную теорию, Хироко не имела равных в разработке жизнеспособных замкнутых биосистем и так далее – блестящая компания!

И Майя – один из их руководителей. Это слегка обескураживало. Ее навыки в инженерном деле и космонавтике были весьма скромны – на борт она попала, вероятно, благодаря своим дипломатическим способностям. Ее выбрали руководить разрозненной, своенравной командой из русских и представителей других стран – ладно, это еще ничего. Это интересная работа, и она к ней привыкла, ее навыки вполне могли оказаться в числе важнейших на борту. Но летевшим на Марс полагалось ладить между собой, поэтому от их руководителей требовались коварство, хитрость и воля. Нужно было заставлять людей выполнять приказы! Взглянув на скопление горящих лиц, она рассмеялась. Все, кто находились на борту, были хороши в своем деле, но некоторые были куда более одаренными. Ей предстояло вычислить таких людей и развить их способности. От этого зависело ее лидерство, хотя ей казалось, что рано или поздно они непременно установят что-то вроде свободной научной меритократии[12]. А в таком обществе исключительно одаренные люди представляли реальную силу. В крайнем случае они могли стать истинными лидерами колонии – либо они, либо те, кто имел на них влияние.

Она огляделась, высматривая Фрэнка Чалмерса. В Антарктике ей не удалось узнать его как следует. Высокий крупный брюнет. Весьма болтливый, невероятно энергичный, но и довольно непроницаемый. Она находила его привлекательным. Видел ли он все так же, как она? Она никогда не могла этого сказать. Сейчас он болтал в компании в другом конце помещения, слушал в своей острой непостижимой манере, склонив голову набок, готовый вставить едкое замечание. Она решила побольше о нем разузнать. Более того, она собиралась с ним поладить.

Майя пересекла столовую и остановилась возле него так, чтобы их плечи почти соприкасались друг с другом. Склонила голову в его сторону и кивнула на его товарищей:

– Будет весело, как думаешь?

[12] Общественная система, в основе которой лежит принцип управления государством людьми, обладающими выдающимися способностями, независимо от их происхождения или социального положения.

Чалмерс взглянул на нее.

– Если все пойдет хорошо, – ответил он.

После праздничного ужина Майя не могла уснуть и бродила по «Аресу». Все они раньше бывали в космосе, но никогда не попадали на столь внушительные корабли, каким был «Арес». Спереди на нем находилось нечто вроде пентхауса – однокамерный отсек, похожий на бушприт, который вращался в сторону, противоположную той, в какую вращался сам корабль, тем самым сохраняя внутри равновесие. В этом отсеке располагались солнечные часы, радиоантенны и остальное оборудование, которое работало лишь в состоянии покоя, а на самой его верхушке располагался купол-пузырь из прозрачного пластика, где царила невесомость. Пузырь открывал невращающийся вид на звезды и на некоторые части огромного корабля.

Майя подплыла к прозрачной стене этого купола и с любопытством оглянулась назад, на корабль. Конструкторы снабдили его внешними топливными резервуарами: примерно на рубеже столетий НАСА и Главкосмос начали крепить небольшие ракеты-носители к резервуарам и запускали их по орбите. Всего таким образом были запущены десятки резервуаров. Затем их переместили на место строительства и использовали по назначению – соорудили две крупные космические станции, станцию L5, станцию на окололунной орбите, первый пилотируемый аппарат для полета на Марс и десятки грузовых транспортных кораблей, отправленных на Марс без людей на борту. Таким образом, ко времени, когда два агентства договорились строить «Арес», использование резервуаров вошло в порядок вещей – уже существовали стандартные парные единицы, внутренние элементы, винтомоторные системы и прочее. На создание огромного корабля не ушло и двух лет.

Его внешний вид наводил на мысль, будто его собрали из детского конструктора: цилиндры крепились друг к другу основаниями, создавая более сложные формы – в данном случае это были восемь шестигранников из соединенных между собой цилиндров, которые назывались торусами. Шестигранники выстроили в один ряд и пронизали посередине центральным валом, состоящим из пучка пяти других цилиндров. Торусы крепились к валу тонкими спицами. В целом весь объект походил на какой-нибудь элемент сельскохозяйственной машины вроде жатки комбайна или на передвижную дождевальную машину. «Или на восемь бугристых пончиков, насаженных на палочку, – подумала Майя. – Такое оценил бы любой ребенок».

Восемь торусов были изготовлены из американских отсеков, а пять цилиндров центрального вала сделали русские. И те и другие имели примерно по пятьдесят метров в длину и десять в диаметре. Майя бесцельно плыла по отсекам центрального вала – на это требовалось немало времени, но спешить было некуда. Она спустилась в торус G. Там располагались комнаты всех форм и размеров, вплоть до самых больших, занимающих целые отсеки. В одной из комнат пол находился под самой половинной отметкой, и изнутри она представляла собой длинный куонсетский ангар. Но большинство отсеков делились на меньшие помещения. Она слышала, что всего их было более пятисот – то есть все внутреннее пространство, грубо говоря, примерно соответствовало размерам крупной гостиницы.

Но было ли этого достаточно?

Пожалуй, было. После Антарктики жизнь на «Аресе» казалась роскошной, многообразной, просторной. Каждое утро около шести часов темнота в жилых торусах постепенно переходила в серый рассвет, а примерно в полседьмого резкая вспышка света обозначала восход. Майя в этот момент просыпалась, будто это привычка всей ее жизни. Приведя себя в порядок, шла на кухню торуса D, грела себе завтрак и несла его в столовую. Там она усаживалась за стол в окружении лаймовых деревьев. Колибри, вьюрки, танагры, воробьи и лори что-то клевали под ногами и метались над головой, уворачиваясь от ползучих стеблей, свисавших с потолка, выкрашенного в серо-голубой цвет, который напоминал ей о зимнем небе Санкт-Петербурга. Она ела не спеша, наблюдая за птицами, расслабившись в кресле, слушая разговоры вокруг. Неторопливый завтрак! Ей, проведшей всю жизнь за тяжелой работой, сначала

было так неуютно от этого, даже тревожно, будто она украла какой-то предмет роскоши. Будто каждый день у нее воскресное утро, как говорила Надя. Но у Майи воскресные утра никогда не проходили так беззаботно. В детстве это было время уборки однокомнатной квартиры, где она жила с матерью. Та работала врачом и, как большинству женщин ее поколения, ей приходилось работать не покладая рук, чтобы сводить концы с концами, покупать еду, воспитывать ребенка, заниматься карьерой. Это было слишком тяжело для одного человека, и она присоединилась к числу женщин, яростно требовавших лучшей участи, чем та, которую получали женщины в советские времена, работая за несправедливо маленькую зарплату да еще и выполняя домашние дела. Больше нельзя было ни ждать, ни молча терпеть – нужно было пользоваться сложившейся нестабильной обстановкой. «Все на столе, – кричала мать Майи, готовя скудный ужин, – все, кроме еды!»

И, пожалуй, они воспользовались своим случаем. В советское время женщины научились помогать друг другу, создав почти самодостаточный мир матерей, сестер, дочерей, бабушек, подруг, коллег по работе. Потом этот мир укрепил свои преимущества и еще глубже проник во власть, в тесную мужскую олигархию российского правительства.

В значительной степени это коснулось и космической программы. Мать Майи, в некоторой степени вовлеченная в медицинские исследования, связанные с космосом, всегда клялась, что космонавтике понадобится много женщин – хотя бы для того, чтобы получить от них данные медицинских экспериментов. «Они не смогут вечно ссылаться на одну лишь Валентину Терешкову!» – восклицала мать. И оказалась права: став авиационным инженером по окончании Московского университета, Майя начала работать в одной из проектных организаций Байконура, где хорошо себя проявила и была направлена на «Новый мир». Там она перерабатывала интерьеры, улучшая их эргономику, а позднее целый год руководила станцией – и за этот год выполнила пару аварийных починок, тем самым отлично зарекомендовав себя. Далее последовали административные назначения на Байконуре и в Москве, а спустя некоторое время ей удалось попасть в политбюро Главкосмоса, где она изящнейшим образом натравила мужчин друг на друга, вышла за одного из них замуж, развелась, став независимым лицом в Главкосмосе, и, наконец, вошла в самый узкий круг – двойной триумвират.

И вот она сидела здесь и неторопливо завтракала. «Вот так цивилизация!» – усмехнулась бы Надя. Она была лучшей подругой Майи на «Аресе» – низенькая женщина, круглая, как валун, с квадратным лицом, обрамленным короткими волосами с заметной проседью. В общении прямая, насколько это было возможно. Миловидная Майя, которая знала об этом своем качестве и не раз им пользовалась, любила в Наде ее прямоту, которая неким образом подчеркивала профессионализм женщины. Надя работала инженером и обладала обширной практикой в строительстве при холодном климате. Они познакомились на Байконуре двадцатью годами ранее и когда-то прожили вместе несколько месяцев на «Новом мире». За эти годы они стали друг другу как сестры, хоть и не были похожи. Пусть они не всегда ладили, но все равно были близки.

Сейчас Надя, осмотревшись, заметила:

– Поселить русских и американцев в разных торусах было глупостью. Мы работаем с ними днями напролет, но бо`льшую часть времени видим одни и те же лица. Это только отдаляет нас друг от друга.

– Может, предложить им поменяться половиной комнат?

Аркадий, уплетая маленькие булочки с изюмом, наклонился к ним из-за соседнего столика.

– Этого недостаточно, – произнес он, будто с самого начала участвовал в их разговоре. В его рыжей бороде, которая с каждым днем казалась все более растрепанной, виднелись крошки. – Нужно объявить воскресенье днем переездов, чтобы все в произвольном порядке

менялись квартирами. Тогда все получше узнают друг друга, и узких компаний станет меньше. А понятие владения комнатами вообще исчезнет.

– Но мне нравится владеть комнатой, – возразила Надя.

Аркадий, засунув в рот очередную булочку, начал ее пережевывать и лишь усмехнулся, взглянув на собеседниц. То, что комитет пропустил его, казалось настоящим чудом.

Но Майя все же подняла этот вопрос перед американцами, и хотя план Аркадия никому не понравился, одноразовый обмен половиной комнат они восприняли положительно. Посовещавшись и все обсудив, они договорились переехать. Они проделали все в воскресенье утром, после чего завтрак стал несколько более космополитичным. По утрам в столовой торуса D теперь бывали Фрэнк Чалмерс и Джон Бун, а также Сакс Расселл, Мэри Данкел, Джанет Блайлевен, Риа Хименес, Мишель Дюваль и Урсула Кол.

Джон Бун оказался ранней пташкой и приходил в столовую даже раньше Майи.

– Эта комната такая просторная и свободная, что здесь кажется, будто мы сидим на открытом воздухе, – заметил он из-за своего стола, когда Майя вошла. – Гораздо лучше, чем в торусе B.

– Штука в том, что мы убрали весь хром и белый пластик, – ответила Майя. Ее английский был достаточно хорош и быстро становился все лучше. – А потом покрасили потолок, чтобы он был похож на настоящее небо.

– Значит, это не просто голубой?

– Да.

Ей он казался типичным американцем: простым, открытым, прямолинейным, раскованным. И все же он один из известнейших людей. Осознание этого факта могло подавлять людей, но Бун словно выскальзывал из собственного ореола, бросая его на пол и оставляя лежать у ног. Сосредоточиваясь на вкусе булочки или на настольном экране с новостями, он никогда не упоминал о своей предыдущей экспедиции, а если кто-нибудь поднимал эту тему, он говорил так, будто та экспедиция ничем не отличалась от других полетов, в которых он бывал. Все знали истину, но напрочь забывали ее, околдованные его непринужденностью, когда он каждое утро за одним и тем же столом смеялся над избитыми шутками Нади, внося свою лепту в разговор. Спустя некоторое время вокруг него уже сложно было разглядеть какую-то особую ауру.

А вот Фрэнк Чалмерс казался более интересным. Он всегда приходил поздно, садился один и уделял внимание лишь кофе и настольному экрану. После пары чашек начинал общаться с теми, кто сидел поблизости, на исковерканном, но понятном русском. Большинство же беседующих за завтраком в торусе D теперь переключилось на английский, чтобы вовлечь в разговор американцев. Языковая ситуация на корабле походила на набор матрешек: английским владели все сто человек, среди них были те, кто владел русским, среди тех – кто владел другими языками народов содружества, а еще были международники. Восемь человек на борту – идиоситители языков – по мнению Майи, печальным образом осиротели, и ей казалось, что они больше остальных привязаны к Земле, поэтому часто общались с домом. Несколько странно было иметь среди них своего психиатра: хотя он владел двумя языками, но был сильно привязан к Франции.

И все же английский для них был лингва франка[13], и Майя поначалу считала, будто это давало американцам преимущество. Но потом заметила, что те, когда общались, не могли ничего скрыть, тогда как остальные, если хотели, могли переходить на свои языки.

Фрэнк Чалмерс, однако, был исключением. Он говорил на пяти языках – столько не знал никто из присутствующих на борту. И он не боялся переходить на русский, несмотря на то, что говорил на нем весьма плохо. Он будто вытесывал вопросы из камня и слушал ответы с поистине пронзительным вниманием и быстрым странным смешком. Майя полагала, что он во

[13] Язык, используемый для межнационального общения.

многом отличался от обычных американцев. Поначалу казалось, Чалмерс обладал всеми признаками своих соотечественников: был крупным, громким, поразительно энергичным, самоуверенным, непоседливым, а после чашки кофе – общительным и довольно дружелюбным. Не сразу можно было заметить, как он включал и выключал свою дружелюбность и как мало раскрывался во время разговоров. Например, Майя так ничего и не разузнала о его прошлом, хотя не раз осторожно пыталась его разговорить. Такие качества пробуждали в ней любопытство. У Фрэнка были темные волосы, смуглое лицо, светло-карие глаза – красивые, как у «крутого» парня. Улыбки его непродолжительны, а смех хотелось назвать острым – такой же, как у матери Майи. Взгляд тоже был острым, особенно когда он смотрел на Майю, – так он оценивал коллегу-руководителя, полагала она. С ней он вел себя так, будто они давно были знакомы и хорошо понимали друг друга, что смущало ее, учитывая, как мало они общались в Антарктике. Она привыкла считать женщин своими союзницами, а мужчин – несущими притягательные, но опасные проблемы. Поэтому мужчину, возомнившего себя ее союзником, она считала еще более проблемным. И опасным. И… кое-каким еще.

Она припоминала лишь один случай, когда ей удалось заглянуть в него глубже, чем обычно, – это было еще в Антарктике. После того как инженер по теплотехнике не выдержал и был сослан на север, до них дошли новости о его замене. Все были удивлены и возбуждены, узнав, что это будет сам Джон Бун, пусть даже он получил недопустимую дозу радиации во время своей предыдущей экспедиции. Когда в вечерней комнате обсуждали эту новость, туда вошел Чалмерс. Майя видела, как ему сообщили об этом и он резко мотнул головой в сторону собеседника, а в следующую долю секунды она заметила вспышку гнева – быструю и почти неуловимую.

С тех пор она стала к нему присматриваться. У них с Джоном Буном, несомненно, были странные отношения. Чалмерсу, конечно, приходилось туго: он являлся официальным руководителем американцев и его даже называли Капитаном, но Бун, симпатичный блондин с необычайным обаянием и манерами, имел определенно больший авторитет. Бун *казался* настоящим американским лидером, а Фрэнк Чалмерс – кем-то вроде гиперактивного ответственного руководителя, выполняющего немые приказы Буна. Мириться с таким было трудно.

Когда Майя спросила Фрэнка о Джоне, тот ответил, что они были старыми друзьями. Но сама она видела мало подтверждений этому – притом что наблюдала достаточно внимательно. Они редко общались на людях и едва ли виделись с глазу на глаз. А когда оказывались рядом, Майя наблюдала за ними особенно внимательно, даже не осознавая, для чего, – это казалось логичным исходя из самой ситуации. Находись они в Главкосмосе, был бы стратегический смысл вбить между ними клин, но на «Аресе» она об этом не думала. Майя о многом не задумывалась – осознанно.

Но все же наблюдала. А однажды утром Джанет Блайлевен явилась в своих видеоочках на завтрак в столовую торуса D. Она была главным репортером американского телевидения и часто бродила по кораблю в очках, глядя по сторонам и комментируя, собирая истории и передавая их домой, где они могли быть, как говорил Аркадий, «переварены и изрыгнуты для этих птенчиков-зрителей».

Конечно, в этом не было ничего необычного. Внимание медиа знакомо каждому астронавту, а во время отбора их разглядывали так пристально, как никогда прежде. Теперь же они стали материалом для программ, превосходивших по популярности все предыдущие космические программы. Миллионы следили за ними, как за величайшей мыльной оперой, и некоторых на борту это беспокоило. Поэтому, когда Джанет устроилась в конце стола в своих стильных очках с оптическими волокнами в оправе, раздалось несколько недовольных стонов. А на другом конце того же стола, не обращая внимания на окружающих, спорили Энн Клейборн и Сакс Расселл.

– Понадобятся годы, чтобы узнать, что там есть, Сакс. Даже десятилетия. На Марсе столько же суши, сколько на Земле, у него уникальная геология и химия. Поверхность планеты нужно тщательно изучить, прежде чем начинать изменять ее.

– Мы изменим ее уже тем, что окажемся на ней, – Расселл отмахнулся от возражений Энн, будто от паутины, упавшей ему на лицо. – Решение отправиться на Марс было лишь первой фразой в предложении, а все предложение звучит как…

– Veni, vidi, vici[14].

Расселл пожал плечами.

– Можно и так сказать.

– Ты сволочь, Сакс, – заявила Энн, раздраженно приподняв губу. Широкоплечая женщина с непослушными каштановыми волосами, она была геологом и имела твердое мнение, из-за чего с ней было трудно спорить. – Видишь ли, Марс принадлежит *сам себе.* Ты можешь играть в свое изменение климата на Земле, если хочешь, там такая помощь понадобится. Или попробуй на Венере. Но ты не можешь вымести прочь поверхность планеты, которая формировалась три миллиарда лет.

– Ни одно из подобных решений не будет принято без нашего участия, – резко вставил Аркадий.

Джанет перевела взгляд с одного собеседника на другого, чтобы в кадр попали все. Энн начинала заводиться, она подняла голос. Осмотревшись, Майя заметила, что Фрэнку такая ситуация не нравилась. Но если бы он попытался все уладить, миллионы зрителей поняли бы, что он был против того, чтобы колонисты спорили у всех на виду. Вместо этого он посмотрел через весь стол и поймал взгляд Буна. Они обменялись взглядами так быстро, что Майя не успела моргнуть.

Бун произнес:

– Когда я был там раньше, у меня сложилось впечатление, что он похож на Землю.

– Только там было двести по Кельвину, – заметил Расселл.

– Конечно, но он выглядел, как Мохаве[15] или сухие долины Антарктиды. Когда я впервые там осмотрелся, я поймал себя на том, что пытаюсь различить тюленей, которых мы видели в сухих долинах…

И так далее. Джанет повернулась к нему, а Энн с явным презрением взяла свой кофе и вышла.

Позднее Майя пыталась вспомнить взгляды, которыми обменялись Бун и Чалмерс. Они напоминали то ли некий код, то ли особый язык, который могли придумать для себя двое близнецов.

Проходили недели, а дни все так же начинались с неторопливого завтрака. Зато после завтрака стало куда больше суеты. Каждый жил по своему расписанию, и у некоторых оно оказалось плотнее, чем у остальных. У Фрэнка дел полным-полно, и ему нравилась их безумная гуща. Но обязательная каждодневная работа была не настолько прекрасной: им приходилось поддерживать свою форму, управлять кораблем и готовиться к высадке на Марс. Обслуживание судна включало как сложность программирования или ремонта, так и простоту перемещения запасов из хранилища или выброса мусора. Команда специалистов по биосфере проводила много времени на ферме, занимавшей значительную часть торусов C, E и F; у всех остальных также были обязанности на ферме. Большинству эта работа нравилась, а некоторые даже возвращались к ней в свое свободное время. По велению докторов все должны были проводить по три часа в день на беговых дорожках, эскалаторах, беличьих колесах или силовых тренажерах. В зависимости от нравов эти часы воспринимались с удовольствием, терпением или отвраще-

[14] Пришел, увидел, победил (*лат.*).

[15] Пустыня на юго-западе США.

нием, но даже те, кто открыто презирал подобные занятия, завершали их в заметно лучшем настроении.

– Бета-эндорфины – лучшее лекарство, – говорил Мишель Дюваль.

– Какое счастье, ведь других у нас нет, – отвечал Джон Бун.

– Ну, есть еще кофеин…

– От него клонит в сон.

– Алкоголь…

– Болит голова…

– Прокаин, давон, морфин…

– Морфин?

– В медицинских препаратах. Не для общего применения.

Аркадий улыбнулся:

– Может, мне лучше заболеть?

Инженеры – и Майя в том числе – по утрам занимались на учебных симуляторах. Проходили эти занятия на резервном мостике в торусе В, где были установлены новейшие синтезаторы изображения. Симуляции оказались так сложно устроенными, что заметить визуальную разницу между ними и реальным действием было непросто. Но это не означало, что занятия проходили с интересом: стандартное выведение на орбиту, которое они прогоняли раз в неделю, прозвали «мантрой», и оно набило оскомину всем возможным составам экипажа.

Но даже скука иногда оказывалась меньшим злом. Аркадий, который был у них специалистом по обучению, обладал извращенным талантом придумывать настолько сложные нештатные ситуации, что они часто всех «убивали». Эти ситуации приносили удивительно неприятные ощущения, отчего сам Аркадий не пользовался большой популярностью среди своих «жертв». Он в случайном порядке совмещал «мантру» с нештатными ситуациями, причем последним уделял внимание все чаще. Они «сближались с Марсом», но загорались красные огоньки, иногда включались сирены, и они снова оказывались в беде. Однажды они столкнулись с пятнадцатиграммовой планетарной массой, отчего в тепловом щите образовалась крупная трещина. Сакс Расселл рассчитал, что их вероятность врезаться во что-либо более тяжелое, чем один грамм, составляла примерно один раз за семь тысяч лет путешествия, но это с ними случилось. Авария! Адреналин зашкаливал! Не успели они осознать саму возможность этого, как бросились за скафандрами, вышли в открытый космос, чтобы заделать пробой, прежде чем войдут в атмосферу Марса и сгорят, как чипсы. Когда они были на полпути наружу, по внутренней связи раздался голос Аркадия: «Недостаточно быстро! Мы все уже мертвы».

Но это еще простое задание! Другие же… Так, корабль управлялся электродистанционной системой – то есть пилоты вбивали инструкции в бортовые компьютеры, а те их обрабатывали и передавали приборам наиболее оптимальные команды для достижения желаемого результата. Потому что при сближении с такой скоростью с гравитационной массой размеров Марса человек мог просто не почувствовать, как должны работать двигатели. Поэтому никто из них не был таким же пилотом, как, например, те, что управляли самолетами. Тем не менее Аркадий частенько отключал резервную систему, когда они подходили к критическому моменту (по расчету Расселла, вероятность такого сбоя составляла один случай из десяти миллиардов), и им приходилось принимать управление и следить за мониторами, где их тяготило изображение Марса, оранжевое на черном, и они могли либо, двигаясь медленно, улететь в открытый космос и долго там умирать, либо быстро врезаться в планету и погибнуть мгновенно. И в последнем случае им приходилось наблюдать за этим вплоть до финального столкновения на скорости сто двадцать километров в секунду.

Или у них могла случиться механическая поломка: главных или стабилизационных ракетных двигателей, компьютерного оборудования, программных средств, системы развертывания теплового щита – во время сближения все это должно работать идеально. И сбой этих

систем был наиболее вероятным среди прочих – как указал Сакс (хотя некоторые оспаривали его методику расчета рисков), в пределах одного из десяти тысяч сближений. И они проделывали это снова, и опять загорались красные огни, и они вздыхали и молили об очередной «мантре», хотя им даже немного нравилось принимать новые вызовы. Когда им удавалось выжить при механических поломках, это безумно им льстило и иногда вообще становилось событием недели. Однажды Джон Бун вручную произвел аэродинамическое торможение с единственным функционирующим главным ракетным двигателем, попав в нужную миллисекунду на единственной допустимой скорости. «Слепая удача», – объяснил он, широко улыбаясь, когда это обсуждалось за ужином.

Большинство же нештатных ситуаций Аркадия оканчивалось неудачами – то есть все в них погибали. Неважно, симуляция или нет, трудно было приходить в себя после таких неудач, кроме того, раздражал Аркадий, который все это выдумывал. Однажды они, едва починив мониторы на мостике, увидели, что экраны зафиксировали столкновение с небольшим астероидом, который врезался в центральный вал корабля и убил их всех. В другой раз Аркадий как член группы, осуществлявшей навигацию, сделал «ошибку» и дал компьютерам команду увеличивать вращение корабля вместо того, чтобы сокращать его.

– Нас прижало к полу шестью *g*! – завопил он в поддельном ужасе, и им пришлось полчаса ползать по полу, пытаясь исправить ошибку, при этом каждый из них весил по полтонны. Когда ошибку удалось исправить, Аркадий вскочил на ноги и принялся отталкивать их от контрольного монитора.

– Что ты, черт возьми, вытворяешь?! – вскричала Майя.

– Да он с ума сошел, – сказала Джанет.

– Он *симулирует* то, что он сошел с ума, – поправила ее Надя. – Нам нужно придумать… – она обходила Аркадия вокруг, – как справиться, если кто-то на мостике свихнется!

Несомненно, задумка состояла именно в этом. Но они видели белки глаз Аркадия, и в его взгляде не было ни малейшего признака того, что он узнавал товарищей, когда, ничего не говоря, на них набрасывался. Им пришлось вязать его впятером, при этом Джанет и Филлис Бойл досталось от его острых локтей.

– Ну что? – спросил он потом за ужином, осторожно ухмыляясь с распухшей губой. – Что, если это произойдет? Мы здесь и так под давлением, а при сближении будет еще хуже. Что, если кто-то не выдержит? – Он повернулся к Расселлу, и его ухмылка стала еще шире: – Каковы здесь шансы, а? – И он начал петь ямайскую песню со славянско-карибским акцентом: «Давление падает, о, давление падает, о-о, давление падает на тебя-я-я!»[16]

И они продолжали попытки, стараясь справляться с нештатными ситуациями со всей серьезностью, на какую были способны, – даже с атакой коренных марсиан, расстыковкой торуса Н, вызванной «взрывными болтами, ошибочно установленными при строительстве корабля», и отклонением Фобоса от своей орбиты в последнюю минуту. Такие невероятные сценарии отдавали черным юмором, и, когда Аркадий в свободное время после ужина показывал свои видеозаписи, некоторые от смеха отрывались от пола.

Но вероятные нештатные ситуации… Они появлялись снова и снова, каждое утро. И вопреки их решениям, вопреки протоколам поиска этих решений, они все равно видели это раз за разом: красная планета приближается к ним с невообразимой скоростью в 40 000 километров в час, пока не заполняет экран, а потом тот становится белым и на нем всплывают черные буквы: **Столкновение**.

Они летели на Марс по Гомановскому эллипсу второго типа, по медленной, но четкой траектории, выбранной среди альтернативных вариантов главным образом потому, что обе планеты находились в подходящей для этого позиции в тот момент, когда корабль наконец

[16] Песня «Pressure Drop» впервые была исполнена ямайской группой «The Maytals» в 1969 году.

приготовили к старту, – Марс был примерно в сорока пяти градусах впереди Земли в плоскости эклиптики. Им предстояло чуть более половины пути двигаться вокруг Солнца и примерно через триста дней выйти на рандеву с Марсом. Таков их зародышевый период, как выразилась Хироко.

На Земле психологи решили, что время от времени на «Аресе» необходимо менять обстановку, и предложили устроить чередование времен года. Для этого стали переключать продолжительность дней и ночей, погоду и окружающие астронавтов цвета. Одни придерживались мнения, что примарсение должно прийтись на раннюю осень, время сбора урожая, другие – что оно должно стать новой весной. После непродолжительных споров голосованием самих путешественников было решено начать перелет ранней весной. Таким образом, путь пришелся на лето, а не на зиму, а при приближении к цели корабль должен был окраситься в осенние тона самого Марса, а не в синие и зеленые оттенки, которые к тому времени останутся у них далеко позади.

И в первые месяцы, когда они завершали свои утренние дела и покидали кто ферму, кто мостик, а кто и едва выползал после садистских симуляций Аркадия, они попадали в весну. Стены были увешаны бледно-зелеными панелями или фотоплакатами азалий, палисандров или декоративных вишен. В больших помещениях фермы желтым с новыми оттенками сияли ячмень и горчица, а лесной биом вместе с семью парковыми помещениями корабля зарос деревьями и кустарником. Майя любила эту весеннюю зелень и после утренних занятий посвящала какое-то время прогулкам по лесному биому с его холмистым полом и такому густо заросшему, что с одного конца комнаты нельзя было увидеть другой. Здесь она часто встречала Фрэнка Чалмерса, который проводил в этом месте свои короткие перерывы. Он говорил, что любит весеннюю листву, хотя казалось, он никогда даже не смотрел на ветви деревьев. Они прогуливались вместе, то беседуя, то молча, в зависимости от случая. Если говорили, то никогда не касались каких-либо важных тем: Фрэнк не стремился обсуждать с ней работу, как обычно обсуждали между собой разные рабочие вопросы руководители экспедиций. Майя находила эту его черту странной, но никогда не заявляла о таком своем мнении вслух. К тому же в пользу его нерасположенности к беседам на тему работы говорило то, что они выполняли разные обязанности. Майя относилась к этому без формальностей – все российские космонавты во все времена были более-менее равноправны, по традиции, тянущейся еще со времен Королёва. Участники американской программы больше придерживались военных традиций, что прослеживалось даже в их званиях: если Майя – просто координатор российского контингента, то Фрэнк – капитан Чалмерс, причем в этом предположительно заключался еще и намек на старые военно-морские силы.

Становилась ли его работа легче или сложнее от этой власти, он не говорил. Иногда он обсуждал биом, незначительные технические проблемы или новости из дома – но чаще всего казалось, будто ему просто нравилось гулять с ней. Поэтому – безмолвные прогулки, вверх и вниз по узким тропам, сквозь густые чащи сосен, осин и берез. И непременное ощущение близости, будто они были старыми друзьями, или как если бы он очень застенчиво (или тонко) ухаживал за ней.

Как-то раз поразмыслив над этим, Майя поняла, что запуск «Ареса» весной мог доставить хлопот. Теперь они оказались в своем мезокосме, бродили посреди весны, все вокруг излучало зелень и плодородие, воздух благоухал цветами и обвевался ветром, дни становились длиннее и теплее, все ходили в футболках и шортах, сотня здоровых животных, в тесноте, они ели, занимались упражнениями, принимали душ, спали. Конечно, здесь не могло обойтись без секса.

Ну, ничего нового в этом не было. У Майи и самой когда-то случался фантастический секс в космосе, особенно во время ее второго пребывания на «Новом мире», когда они с Георгием, Ильей и Ириной испытали все возможные позы в невесомости – а их оказалось в самом

деле много. Но сейчас все иначе. Они были старше и застряли друг с другом надолго. «В замкнутой системе все по-другому», – как сказала однажды Хироко, пусть и в ином контексте. В НАСА придерживались идеи, что у них у всех должны быть братские отношения: из 1348 страниц тома, который НАСА озаглавило «Человеческие отношения при перелете на Марс», теме секса была отведена лишь одна страница, и на этой странице рекомендовалось от него воздерживаться. Исходя из рекомендаций, можно было представить: они – что-то вроде племени с явным табу на внутриплеменные скрещивания. Русские потешались над этим; американцы в самом деле были такими щепетильными. «Мы не племя, – говорил Аркадий. – Мы целый мир».

Но стояла весна. На борту находилось несколько супружеских пар, некоторые из пар не особо скрывали свою любовь от окружающих. В торусе Е имелся бассейн, сауна и вихревая ванна. При смешанных компаниях их посещали в купальных костюмах – опять же из-за американцев. Но уже не помогали и купальные костюмы. Естественно, это начало происходить. Она слышала от Нади и Иваны, что купол-пузырь стали использовать для ночных свиданий: оказалось, многим космонавтам и астронавтам невесомость пришлась по душе. А для тех, у кого было мало опыта с невесомостью, убежищем служили укромные местечки в парках и лесном биоме – ведь они создавались как раз для того, чтобы люди чувствовали себя там сбежавшими ото всех. И у каждого из них имелась собственная звукоизолированная комната. Учитывая все это, парочка, желавшая начать отношения и не желавшая давать тему для сплетен, имела достаточно возможностей остаться незамеченной. Майя не сомневалась, что впереди их ждало больше, чем один человек сумел бы постичь.

Она чувствовала это. И другие, конечно, тоже. Негромкие беседы парочек, обмены местами в столовой, быстрые взгляды, слабые улыбки, руки, на ходу касающиеся плеч или локтей… О да, это происходило. В воздухе возникало некое напряжение, и оно было приятным лишь отчасти. Снова взыграли антарктические страхи, к тому же теперь число потенциальных партнеров было невелико, и отношения походили на игру в музыкальные стулья.

Но для Майи проблемы на этом не заканчивались. Она была даже более осмотрительной, чем большинство русских мужчин, которые опасались спать с начальницей. Она была настороженна на этот счет, потому что знала, каково это, потому что раньше занималась этим сама. К тому же никто из них… ну, ее привлекал Аркадий, но ему она не нравилась, и казалось, он вообще не питал интереса на сей счет. Илью она знала давно, и он был просто другом; Дмитрий ее не интересовал; Влад был старше, Юрий – не ее типа, Алекс – сторонником Аркадия… и далее в том же духе.

А что касалось американцев и международников – ну здесь была проблема иного толка. Скрещивание культур – кто знал, к чему оно приведет? И она оставалась одна. Но думала об этом. И изредка, когда просыпалась утром или после физических упражнений, ее уносило волнами желания и выбрасывало на берег кровати или душевой кабинки, оставляя с чувством одиночества.

И однажды, поздним утром, после особенно нервной нештатной ситуации, с которой они почти было справились, но в конце все равно провалили, она столкнулась в лесном биоме с Фрэнком Чалмерсом. Она ответила на его приветствие, а потом они углубились в лес метров на десять и там остановились. Она была в шортах и майке с бретельками, потная и раскрасневшаяся после безумной симуляции. Он – в шортах и футболке, босой, потный и запыленный от прогулки по ферме. Вдруг он издал свой резкий смешок и кончиками пальцев коснулся ее предплечья.

– Что-то у тебя сегодня очень довольный вид, – он улыбнулся.

Лидеры двух половинок экспедиции. Ровня друг другу. Она подняла руку, чтобы коснуться его руки, и больше ничего не потребовалось.

Они ушли с тропы и залезли в густые сосновые заросли. Остановились, чтобы поцеловаться – она уже давно не испытывала при этом столь странных ощущений, как теперь. Споткнувшись о корень, Фрэнк усмехнулся, не прекращая поцелуя, тем быстрым скрытным смешком, от которого Майя ощутила дрожь – едва ли не страх. Они уселись на сосновые иголки и перекатились, будто студенты, обжимающиеся по лесам. Она рассмеялась, ей всегда нравился быстрый подход к делу – в этом случае она могла бы вовремя сбить мужчину с ног, то есть защититься, если бы захотела того.

И они занялись любовью – и на какое-то время страсть унесла ее прочь. Когда все закончилось, она расслабилась, наслаждаясь остатками тлеющего пламени. Но затем ей отчего-то стало немного неловко, она не знала, что и сказать. Что-то в нем все же осталось скрытым, будто он затаился, даже занимаясь любовью. Но что было еще хуже, она ощущала, будто он испытывает нечто вроде триумфа – будто он выиграл, а она проиграла. Эта пуританская жилка в американцах, это чувство, что секс – это плохо, это что-то такое, во что мужчинам приходилось заманивать женщин. Она слегка прикрылась, раздраженная скрытой ухмылкой, промелькнувшей на его лице. Победил-проиграл, что за ребячество.

И все же они были, так сказать, соруководителями. Так что если они были так уж равны…

Они немного поболтали, довольно оживленно, а перед уходом даже занялись любовью еще раз. Но это было уже не так, как в первый раз – теперь она чувствовала смятение. В сексе слишком многое находилось за пределами рационального анализа. Майя всегда чувствовала в своих партнерах нечто такое, чего не могла ни понять, ни даже выразить словами. И, увидев лицо Фрэнка Чалмерса после их первого раза, она уверилась: что-то не так. От этого ей сделалось неуютно.

Но она была любезна, нежна. Не могла она отстраниться в такую минуту, это было бы непростительно. Они встали, оделись и двинулись обратно в торус D, где отужинали за одним столом вместе с остальными – вот где имело смысл держаться друг от друга на расстоянии. Но через несколько дней после их встречи она сама недовольно удивилась, осознав, что слегка его избегает, всякий раз находя отговорки, чтобы не оставаться с ним наедине. От этого ей было неловко. Раз-другой после этого они уединялись снова и по его инициативе занимались этим снова, а она чувствовала, что сделала ошибку. Или отчего-то была в плохом настроении? Но всегда выходило одинаково: всегда появлялась эта незаметная триумфальная ухмылка, говорящая: «Я тебя добился», которую она так ненавидела, потому что ощущала ее как моралистическую, пуританскую двуличную низость.

И она стала избегать его еще сильнее, не попадая в положение, когда это могло снова начаться, и он довольно быстро это понял. Как-то раз в обед он попросил ее прогуляться с ним в биом, и когда она отказала, сославшись на усталость, в его взгляде коротко отразилось удивление, но затем он скрыл его, будто надев маску. Ей стало нехорошо, хотя она даже не могла объяснить почему.

Пытаясь уладить отношения, нарушенные ее безрассудным поведением, она вела себя с ним дружелюбно и откровенно, если обстановка была безопасной. А раз или два намекнула, что для нее их свидания были не более чем способом укрепить дружбу, будто она поступала так же и с другими. Все это следовало «прочитать между строк», но, возможно, он ее неправильно понял. После первого такого пояснения он казался просто озадаченным. Однажды, покидая группу еще перед тем, как все начали расходиться, она заметила его острый взгляд. После этого – только скрытность и общение на расстоянии. Но он никогда не выглядел по-настоящему опечаленным и никогда не давил на нее, не приходил к ней и не заговаривал об этом. И все же это было лишь частью проблемы, не так ли? Он словно *не хотел* говорить с ней об этом.

Ну, пожалуй, у него были интрижки с другими женщинами, с какими-нибудь американками, трудно сказать наверняка. Он действительно не оставался один. Но все же было… неловко.

Майя решила положить конец этим вороватым соблазнениям – неважно, каких переживаний это будет ей стоить. Хироко права: в замкнутой системе все по-другому. Для Фрэнка это было очень плохо (если это действительно его заботило), поскольку в этом отношении она училась у него. В итоге она решила помириться с ним, став хорошим другом. Она очень старалась, пытаясь однажды это сделать, почти месяц спустя, но просчиталась и зашла слишком далеко – до того, что он подумал, будто она вновь его соблазняет. Они сидели в компании, и она сидела рядом с ним, все заговорились допоздна, и затем он, явно неверно истолковав ее поведение, ушел с ней в ванные торуса D, обворожительно и обходительно беседуя по пути. Майя сердилась на саму себя; она не хотела показаться такой непостоянной, хотя в тот момент, если бы она ушла, то выглядела бы именно таковой. И она поддалась, потому что так было проще и часть ее все же хотела заняться любовью. И она занялась, разозлившись на себя и решив, что это последний раз, нечто вроде последнего подарка, который, хотела она надеяться, оставит у него хорошие воспоминания от всей этой истории. Она осознала, что была даже более пылкой, чем когда-либо прежде, что в самом деле желала доставить ему удовольствие. И затем, перед самым оргазмом, она взглянула в его лицо – и это был словно взгляд в окна пустого дома.

Это был последний раз.

Δv – скорость, дельта – изменение. В космосе это мера изменения скорости, необходимой, чтобы переместиться из одного места в другое, то есть мера энергии, необходимой, чтобы это сделать.

Все уже движется. Но чтобы перенести что-то с (движущейся) поверхности Земли на ее орбиту, Δv должно составлять не менее десяти километров в секунду, чтобы покинуть земную орбиту и устремиться к Марсу, требуется Δv в 3,6 километра в секунду, а чтобы зайти на орбиту Марса и сесть на его поверхность, Δv должно равняться примерно одному километру в секунду. Сложнее всего оставить Землю позади, и виной тому – глубочайший гравитационный колодец. Взбирание по кривой пространства-времени требует невероятных усилий, поскольку направление огромной инерции то и дело меняется.

У истории тоже есть инерция. Частицы (или события) имеют направленность в четырех измерениях пространства-времени. Математики, пытаясь выразить ее, рисуют на графиках так называемые мировые линии. В истории человечества мировые линии образовывают густой клубок, вьющийся из тьмы доистории и уходящий сквозь время, – кабель диаметром с саму Землю, двигающуюся по спирали вокруг Солнца по длинной кривой. Кабель из спутанных мировых линий – это и есть история. Если увидеть, где он был, станет ясно, куда он тянется, – это простая экстраполяция. Какое Δv потребуется, чтобы сбежать из истории, сбежать от той мощной инерции и прочертить новую траекторию?

Сложнее всего оставить Землю позади.

Форма «Ареса» отображала собой структуру реальности: вакуум между Землей и Марсом начал казаться Майе длинным рядом цилиндров, расходящихся от стыков под углом в сорок пять градусов. У них был беговой маршрут – что-то вроде бега с препятствиями – вокруг торуса C, где она замедлялась возле каждого стыка и напрягала мышцы ног при повышенном давлении из-за двух 22,5-градусных изгибов – оттуда ей внезапно открывалась вся длина следующего цилиндра. И мир начинал казаться совсем узким.

По-видимому, чтобы возместить это, люди, находившиеся внутри, становились более открытыми. Они продолжали сбрасывать свои антарктические маски, и каждый раз проявлялась новая, прежде неизвестная черта, которая позволяла всем, кто замечал ее, чувствовать себя гораздо свободнее, и это чувство открывало еще больше скрытых особенностей.

Однажды воскресным утром группа христиан, человек десять, отмечала Пасху в куполе-пузыре. На Земле был апрель, на «Аресе» – середина лета. После службы они отправились в столовую, в торус D, на второй завтрак. Среди них были Юрий, Риа, Эдвард и Мэри. За столом

уже сидели, попивая кофе и чай, Майя, Фрэнк, Джон, Аркадий и Сакс. Их разговоры тесно переплетались с разговорами, доносящимися от других столов, и то, что рассказывала Филлис Бойл, геолог, проводившая пасхальную службу, поначалу слышали только Майя и Фрэнк.

– Я могу понять предположение, что вселенная – это сверхсущество, а вся ее энергия – мысли этого существа. Это красивая идея. Но история Христа… – Джон затряс головой.

– Ты в самом деле знаешь эту историю? – спросила Филлис.

– Я вырос в лютеранской семье в Миннесоте, – ответил Джон. – Ходил в школу конфирмантов, все это мне вдолбили в голову.

«Потому-то он и решил вступить в дискуссию», – подумала Майя.

Его лицо приняло недовольное выражение, какого ей еще не приходилось у него видеть, и она слегка наклонилась вперед, вдруг сосредоточившись. Она бегло посмотрела на Фрэнка: тот вглядывался в свой кофе, словно в забытьи, но, несомненно, он внимательно слушал.

– Вы должны знать, – произнес Джон, – что Евангелие было написано спустя десятилетия после его событий. Написано людьми, которые Христа в глаза не видели. И что были и другие описания, раскрывавшие другого Христа, но их исключили из Библии после политического процесса в третьем веке. То есть он, по сути, как бы литературный персонаж, поэтический образ. О нем как о человеке мы ничего не знаем.

Филлис покачала головой.

– Это неправда.

– Но это так, – возразил Джон. Сакс и Аркадий внимательно смотрели на него из-за соседнего стола. – Ну, у всего этого есть история. Монотеизм – это система верований, как вы знаете, возникшая в ранних пастушьих обществах. Чем сильнее они зависели от разведения овец, тем сильнее укреплялась их вера в бога-пастыря. Это простая связь – сами можете за ней проследить. А бог – всегда мужчина, потому что эти общества были патриархальными. В этом есть что-то от археологии и антропологии, то есть религиозной социологии, благодаря которой все становится совершенно понятным: откуда она взялась, какие роли выполняла.

Филлис удостоила его слабой улыбкой.

– Не знаю, чем и ответить на это, Джон. Это же не вопрос истории. Это вопрос веры.

– Ты веришь в чудеса Христовы?

– Чудеса тут тоже ни при чем. Как и церковь, как и ее учение. Дело в Христе.

– Но он просто литературный образ, – упрямо повторил Джон. – Вроде Шерлока Холмса или Одинокого рейнджера.

Филлис передернуло.

– Я считаю, что само существование вселенной – это чудо. Вселенной и всего, что в ней содержится. Разве ты можешь это отрицать?

– Разумеется, – ответил Джон. – Вселенная просто существует. Я называю чудом лишь действие, которое явно нарушает известные законы физики.

– Как путешествия на другие планеты?

– Нет, как восстание из мертвых.

– Доктора проделывают это каждый день.

– Докторам этого еще ни разу не удавалось.

Филлис растерялась.

– Не знаю, что ответить тебе, Джон. Я несколько удивлена. Мы не знаем всего, а когда делаем вид, будто это не так, просто ведем себя высокомерно. Сотворение мира – это загадка. Назвать что-то «большим взрывом» и думать, что у нас есть объяснение, – это плохая логика, плохое мышление. За пределами твоего рационального научного мышления существует огромная область сознания, которая более важна, чем наука. Вера в Бога тоже входит в эту область. И полагаю, у тебя она либо есть, либо нет, – она поднялась. – Надеюсь, она к тебе придет. – И она вышла из зала.

После некоторого молчания Джон вздохнул:

– Простите, ребята, иногда это меня до сих пор задевает.

– Когда ученый заявляет, что он христианин, – заметил Сакс, – я воспринимаю это как эстетство.

– Церковь типа «разве не мило думать, что это так», – произнес Фрэнк, по-прежнему не отрывая взгляда от своей чашки.

– Они считают, – сказал Сакс, – что нам не хватает духовного измерения, которое было в более ранних поколениях, и пытаются вернуть его теми же средствами. – Он моргнул по-совиному, будто проблема должна была решиться лишь оттого, что ее выяснили.

– Но это же порождает столько нелепостей! – вспыхнул Джон.

– Просто у тебя нет веры, – насмешливо заметил Фрэнк, провоцируя его на отстаивание позиции атеиста.

Джон не обратил на него внимания.

– Люди, которые работают в лабораториях, практичны, как никто другой, вы же видите, как Филлис хватается за умозаключения, от которых ее коллеги давно отказались! А потом они внезапно начинают использовать всевозможные хитрости для победы в споре – виляния, отговорки, всякие туманные намеки. Будто они изменились до неузнаваемости.

– Просто у тебя нет веры, – повторил Фрэнк.

– Ну, надеюсь, у меня ее никогда и не будет! Для этого меня придется стукнуть молотком по голове!

Джон встал и вышел со своим подносом на кухню. Остальные молча смотрели друг на друга. «Должно быть, у него была действительно плохая школа конфирмантов», – подумала Майя. Никто из присутствовавших явно ничего не знал об этой стороне их беспечного героя. Кто мог предвидеть, что они узнают о нем или о каком-нибудь другом члене экипажа в следующий раз?

Новость о споре между Джоном и Филлис разошлась по кораблю. Майя не знала, кто все рассказал – ни Джон, ни Филлис, очевидно, не желали об этом упоминать. Затем она увидела Фрэнка с Хироко – та рассмеялась, когда он что-то ей сообщил. Подойдя поближе, она услышала ответ Хироко: «Стоит признать, в этом Филлис права: мы не понимаем, почему все происходит».

Значит, Фрэнк. Сеет раздор между Филлис и Джоном (нетривиальной точкой зрения). Христианство по-прежнему оставалось основной силой в Америке – да и везде. Если бы на Земле прознали, что Джон Бун – противник христианства, это доставило бы ему хлопот. И не стало бы огорчением для Фрэнка. На Земле они все были актерами популярного шоу, но те, кто формировал и смотрел новости, понимали, что некоторые роли важнее других, и позволяли их исполнителям оказывать большее влияние на общество. В эту группу входили Влад и Урсула (которые теперь были не просто друзьями, как подозревала Майя), Фрэнк, Сакс… Все астронавты, хорошо известные публике до отбора, но никто из них и близко не стоял рядом с Джоном по степени известности. Любая тень, павшая на кого-нибудь из них в глазах землян, могла отразиться соответствующим образом на их статусе на борту «Ареса». Как бы то ни было, именно этими соображениями, судя по всему, руководствовался Фрэнк.

По ощущениям, они словно заперты в гостинице, в которой нет ни выходов, ни даже балконов. Уныние от такой гостиничной жизни становилось все сильнее. Они пробыли там уже четыре долгих месяца, но до сих пор не проделали и половины пути. И ни тщательно продуманное физическое окружение, ни повседневные рутинные дела не могли ускорить их путешествие.

Однажды утром, когда второй экипаж трудился над очередной нештатной ситуацией Аркадия, на нескольких экранах одновременно загорелись красные огни.

– Система слежения за Солнцем зафиксировала вспышку, – сообщила Риа.

Аркадий вскочил.

– Это не я! – воскликнул он и склонился к ближайшему к нему экрану. Поднял взгляд, встретился со скептическими взглядами коллег и усмехнулся: – Прошу прощения, друзья, но этот волк настоящий.

Экстренное сообщение из Хьюстона подтвердило его слова. Ему было по силам подделать и такое сообщение, но он отвечал за связь с Землей, поэтому проверить подлинность подтверждения путешественники не могли. Подделка или нет, они вынуждены подчиниться.

Вообще они прогоняли возникновение крупной вспышки на Солнце множество раз. Каждый должен был выполнить свою часть работы, причем некоторые – в очень сжатый срок. И они забегали по торусам, проклиная свою удачу и стараясь не попадаться друг другу на пути. Работы предстояло много: задраивание люков было сложным и не совсем автоматизированным процессом. Когда они переносили лотки для растений в убежище, Джанет закричала:

– Это что, опять Аркадий придумал?

– Говорит, что нет.

– Черт!

Они покинули Землю в низшей точке одиннадцатилетнего цикла солнечной активности – специально для того, чтобы снизить вероятность подобных вспышек. Но это все равно случилось. У них было около получаса до того, как до них дойдет первая доза радиации, а не более чем через час после этого им пришлось бы совсем туго.

Чрезвычайные происшествия в космосе могут быть очевидными, как взрывы, или неосязаемыми, как соблюдение баланса, но в их случае очевидность ничего не говорила о том, в насколько опасном положении они оказались. Органы чувств членов экипажа совершенно не воспринимали тот субатомный ветер, что приближался к ним, но именно встреча с этим ветром была одним из худших событий, которые могли с ними произойти. И все это понимали. Они носились по торусам, внося свою лепту в процесс задраивания люков. Растения следовало накрыть или перенести в защищенные сектора. Кур, свиней, карликовых коров и остальных животных – загнать в их специальные убежища. Семена и замороженные эмбрионы собрать и перенести. Чувствительные электродетали сложить в ящики или тоже перенести. Покончив с наиболее срочными задачами, они со всей скоростью, на какую только были способны, ринулись к центральному валу и спустились по туннелю в штормовое убежище, которое находилось прямо у конца туннеля.

Последними прибыли Хироко и ее биосферная команда. Закрыв за собой люк через двадцать семь минут после первоначального сигнала, они влетели в невесомое пространство, раскрасневшиеся и запыхавшиеся.

– Не началось еще?

– Пока нет.

Они сорвали индивидуальные дозиметры со стеллажа с липучками и прикололи их к одежде. Остальные уже плавали по полуцилиндрическому помещению, тяжело дыша и обрабатывая ушибы и растяжения. Майя приказала рассчитаться и, когда выяснилось, что все сто человек на месте, испытала облегчение.

Комната, казалось, была заполнена до предела. Они не собирались в полном составе в одном месте много недель – для этого даже самые просторные комнаты будто были малы. А это помещение занимало отсек в среднем звене центрального вала. Четыре соседних резервуара заполнены водой, а их отсек был разделен вдоль – на первый полуцилиндр, где находились они, и второй, в котором хранились тяжелые металлы. Плоская сторона их полуцилиндра служила им «полом» – установленная внутри цилиндра на кольцевых путях, она оборачивалась, нивелируя вращение корабля и сохраняя бак с водой между экипажем и Солнцем.

Они парили в неподвижном пространстве, тогда как изогнутая крыша отсека вращалась над ними со своей привычной частотой в четыре оборота в минуту. От этого странного зре-

лища, а также от невесомости некоторые начинали ощущать тошноту. Эти бедняги собирались в конце убежища, где располагались туалеты, а остальные, чтобы помочь им зрительно, подплывали ближе к полу. Из-за этого радиация поднималась по их ногам, но бо`льшая часть гамма-лучей рассеивалась благодаря тяжелым металлам. Майя почувствовала желание свести колени вместе. Люди парили в пространстве либо обували туфли на липучках, чтобы ходить по полу. Они негромко переговаривались, инстинктивно находя своих соседей по комнатам, коллег по работе, друзей. Беседы вели сдержанно, будто на коктейльной вечеринке пустили слух, что закуска испортилась.

Джон Бун прорвался к компьютерным терминалам в передней части комнаты, где Аркадий с Алексом следили за состоянием корабля, которое отображалось на мониторах. Он ввел команду, и на самом большом экране помещения внезапно высветились данные об уровне радиации снаружи.

– Посмотрим, сколько там бьет по кораблю, – оживленно произнес он.

Раздались стоны.

– А это надо? – воскликнула Урсула.

– Мы должны знать, – ответил Джон. – И я хочу увидеть, насколько хорошо устроено это убежище. То, которое было на «Ржавом орле», было примерно таким же надежным, как слюнявчик, который вы надеваете в кабинете стоматолога.

Майя улыбнулась. Джон редко напоминал о том, что получил гораздо больше радиации, чем кто-либо из них. Около 160 бэр за все время, как он однажды признался, когда его спросили. На Земле люди получали по $^{1}/_{5}$ биологического эквивалента рентгена в год, а на ее орбите, под защитой земной магнитосферы, – около тридцати пяти в год. То есть Джон был сильно облучен, и теперь это каким-то образом давало ему право вывести на экран данные, если ему этого хотелось.

Те, кому было интересно – человек шестьдесят, – сгрудились перед ним, чтобы наблюдать за экраном. Остальные переместились в дальний конец отсека к страдающим от укачивания – те также явно не желали знать, какую дозу радиации сейчас принимали. Одной мысли об этом для них было достаточно, чтобы броситься в уборную.

Затем вспышка ударила в полную силу. Наружная радиация значительно превысила обычный уровень солнечного ветра и внезапно взлетела еще выше. Несколько наблюдавших одновременно тихонько присвистнули, раздались изумленные возгласы.

– Вы смотрите, сколько поглощает убежище, – произнес Джон, сверяясь с дозиметром, приколотым к рубашке. – У меня по-прежнему три десятых бэра!

Стоматологическому рентгену, чтобы достичь такого уровня, понадобилось бы несколько жизней, но сейчас радиация за пределами их убежища уже достигла семидесяти бэр и приближалась к смертельной, так что им удалось легко отделаться. И такое облучение пронизывало остальную часть корабля! Миллиарды частиц проникали на борт и сталкивались с атомами воды и металлов, сваленных рядом с убежищем; сотни миллионов пролетали мимо этих атомов, а затем сквозь атомы их тел, не соприкасаясь с ними, будто были не более чем призраками. И все же тысячи поражали атомы плоти и костей. Большинство таких столкновений были безвредными – но среди этих тысяч, по всей вероятности, присутствовали один-два (три?), которые попадали в хромосомную нить и скручивали ее не в ту сторону, а это уже было плохо. Образовывалась опухоль – сначала несущественная, будто опечатка в книге. А годами позже, если ДНК жертвы не излечится сама, ее неизбежное увеличение даст результат и внутри расцветет Нечто Чужеродное. Рак. Весьма вероятно, лейкемия и, весьма вероятно, смерть.

Поэтому трудно было не обращать внимания на цифры. 1,4658 бэр. 1, 7861. 1,9004.

– Как будто одометр[17], – спокойно проговорил Бун, глядя на свой дозиметр.

[17] Прибор, измеряющий и отображающий путь, пройденный транспортным средством.

Он держался за перекладину и подтягивался вверх-вниз, будто выполняя изометрические упражнения. Фрэнк, заметив это, спросил:

– Джон, какого черта ты делаешь?

– Уклоняюсь, – ответил Джон и улыбнулся нахмурившемуся Фрэнку. – Ну, знаешь… движущаяся цель.

Окружающие рассмеялись. Когда степень опасности высветилась на экранах, они уже не чувствовали себя такими беспомощными. В этом не было логики, но возможность называть вещи своими именами – сила, благодаря которой любой человек считал себя в некотором смысле ученым. А здесь и без того были настоящие ученые, плюс немало астронавтов, каждый из которых обучен принимать возможность подобных бурь. Все эти привычки разума начали проявляться в их мыслях, и потрясение немного спало. Они постепенно мирились с происходящим.

Аркадий подошел к терминалу и включил Пасторальную симфонию Бетховена, начав с третьей части, когда танец в деревне прерывался из-за бури. Он прибавил громкость, и теперь они парили в длинном полуцилиндре, слушая глубину яростной бури Бетховена, которая, как внезапно показалось, идеально отвечала шквалу немого ветра, струившегося сквозь их тела. Он мог бы звучать именно так! Струнные и духовые визжали в диких порывах, необузданных, но при этом изумительно мелодичных, заставляя Майю ощущать, как мурашки бегают у нее по спине. Ей никогда еще не приходилось слушать такое старье столь внимательно. С восхищением (и чуточкой страха) посмотрев на Аркадия, увидела, как тот лучился от воздействия, произведенного подобранным им произведением, и танцевал, будто красный песочник на ветру. Когда буря в симфонии достигла апогея, было трудно поверить, что показатели радиации не возрастали, а когда музыкальная буря ослабла, казалось, что и настоящая должна утихать вместе с ней. Грохотал гром, свистели последние порывы. Безмятежная валторна объявила о завершении непогоды.

Люди начали разговаривать – они обсуждали различные дела этого дня, прерванные столь грубым образом, или использовали возможность для бесед на другие темы. Спустя примерно полчаса одна из таких бесед перешла на повышенные тона. Майя не слышала, с чего все началось, но вдруг Аркадий громко заявил на английском:

– Не думаю, что нам стоит сильно заботиться о планах, которые придумали для нас на Земле!

Остальные разговоры затихли, и все повернулись к Аркадию. Он парил под вращающейся крышей убежища, откуда мог всех видеть и вещать, словно какой-то безумный летающий дух.

– Думаю, мы должны разработать новые планы, – произнес он. – Думаю, нам следует заниматься этим уже сейчас. Все необходимо переделать с самого начала, выразив наше новое мышление. Оно должно касаться всего – даже первых убежищ, которые мы там построим.

– Зачем? – спросила Майя, раздраженная его стремлением играть на публику. – Наши проекты и так неплохи.

Это в самом деле раздражало: Аркадий часто выходил в центр сцены, а люди всегда смотрели на нее так, словно она была каким-то образом ответственна за него, словно в ее обязанности входило его сдерживать, не позволяя докучать остальным.

– Здания – это основа для создания общества, – сказал Аркадий.

– Нет, для создания помещений, – поправил Сакс Расселл.

– Но помещения подразумевают организацию общества внутри них, – Аркадий огляделся, взглядом пытаясь вовлечь людей в обсуждение. – План здания показывает, что его проектировщик предполагает по поводу того, что должно находиться внутри. Мы видели это в начале перелета, когда русские и американцы были разделены в торусах D и B. Видите, мы должны были оставаться двумя отдельными структурами. То же самое произойдет на Марсе. Здания выражают ценности, они обладают чем-то вроде грамматики, тогда как помещения –

это предложения. Я не хочу, чтобы мне указывали, как жить, из Вашингтона или из Москвы, мне этого уже хватило.

– А что тебе не нравится в проекте первых убежищ? – с заинтересованным видом спросил Джон.

– Они прямоугольные, – ответил Аркадий. Это вызвало смех, но он не сдавался: – Прямоугольник – это стандартная форма! А рабочая зона удалена от жилых блоков, будто работа – не часть жизни. И жилые блоки состоят в основном из отдельных помещений, с соблюдением иерархии: начальникам отведено больше пространства.

– Разве это сделано не для того, чтобы облегчить им работу? – спросил Сакс.

– Нет. В этом нет реальной необходимости. Это вопрос престижа. Если позволите так выразиться, это очень показательный пример американского делового мышления.

Послышался стон несогласия, и Филлис спросила:

– Разве нам нужно связываться с политикой, Аркадий?

При самом упоминании этого слова облако слушателей пошатнулось. Мэри Данкел и еще пара человек оттолкнулись и направились в другой конец помещения.

– Во всем есть политика, – сказал Аркадий им в спины. – И наш перелет – не исключение. Мы строим новое общество, как это можно сделать без политики?

– У нас же научная станция, – возразил Сакс. – Необязательно приплетать сюда политику.

– Когда я был там в последний раз, никакой политики там точно не было, – произнес Джон, задумчиво глядя на Аркадия.

– Была, – ответил Аркадий, – только она была проще. У вас тогда был полностью американский экипаж, вы выполняли временную миссию, подчиняясь приказам командования. Но сейчас наш экипаж международный и мы основываем постоянную колонию. Это совсем другое.

Люди медленно подплывали по воздуху в сторону говоривших, чтобы лучше слышать, о чем идет речь.

– Мне неинтересна политика, – сообщила Риа Хименес, и Мэри Данкел согласилась с ней из другого конца помещения:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.